

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2014

Содержание

1. НЕСМОТРЯ НА БОМБЫ И РАКЕТЫ
2. НОВАЯ ВОЛНА НАЦИОНАЛИЗМА
3. ПЕНДЕРЕЦКОМУ — МНОГАЯ ЛЕТА, А ПОКА 80
4. ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ПОХОРОНЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
5. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
6. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
7. О ЧЕМ МОЖНО СПРАШИВАТЬ?
8. СТАЛИН В ПОДВАЛЕ
9. ИЗ КНИГИ «КЛЯЧУ ИСТОРИИ ЗАГОНИМ»
10. ВСАДНИК
11. ГОРЮЧИЕ СЛАНЦЫ ПОД ОСОБЫМ НАДЗОРОМ
12. ОЧЕНЬ СИЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕНЯ ОКАЗАЛИ
«ШПИЛЬКИ»...
13. ВЫСТАВКА ПОЛЬСКОЙ ГОТИКИ
14. Из книги «ПРОЕКТЫ»
15. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

НЕСМОТРЯ НА БОМБЫ И РАКЕТЫ

России нужен Запад, а Западу — Россия. Но это должна быть Россия, руководствующаяся принципами законности, правопорядка и демократии. Как этого достичь?

Мы живем в такое время, когда политики часто знают, как решить сложные проблемы, но не знают, как потом выиграть выборы. Прирожденные лидеры — Черчилль, де Голль, де Гаспери, Брандт — принимали решения в соответствии с долгосрочными интересами страны и мира. Но часто из-за этого теряли власть.

Для многих политиков власть сегодня — самодостаточная ценность. Они обращаются к популизму и национализму. Россия — не исключение.

Збигнев Бжезинский в своей новой книге „Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power” («Стратегический взгляд: Америка и кризис глобальной силы») пишет, что русские разделяют западные ценности, но их политическая система этих ценностей не выражает. Протесты на улицах российских городов — это отражение противоречий между сознанием нового поколения и политической системой, блокирующей развитие.

Россия и Турция должны быть включены в сообщество евроатлантической безопасности. Российская элита желала бы тесных связей с Европейским Союзом и НАТО, но не хочет внутренних реформ, которые бы облегчили эти связи. «Однако в течение 20 лет сближение с Западом произойдет», — считает проф. Бжезинский.

Ведь России нужен Запад, а Западу — Россия. Но такая Россия, система которой будет основана на общих ценностях — на власти закона и уважении принципов демократического государства.

Не вся Европа свободна

Концепцию основанной на доверии и сотрудничестве системы, которая может сделать Россию союзником Запада, представили

на конференции в Мюнхене авторы доклада Евро-атлантической инициативы в области безопасности (EASI).

По их мнению — хотя после завершения холодной войны прошло более 20 лет — Европа все еще не до конца объединена и не вся свободна.

В памятном выступлении в декабре 1989 года в Берлине государственный секретарь США Джеймс Бейкер говорил: «Свободные люди и свободные правительства — вот краеугольные камни строительства единой и свободной Европы». Эту программу удалось выполнить лишь частично. Не вся Европа свободна. Безопасность в трансатлантической зоне обеспечивают три разных концепции взаимодействия: основанные на союзе — в НАТО; на содружестве — в ЕС; на свободном сотрудничестве остальных стран — в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и партнерства с НАТО.

Не все страны североатлантической зоны разделяют такие ценности, как политический плюрализм, демократическое правовое государство, свобода прессы и уважение прав человека. Даже если они признают их на словах, то отвергают в политической практике. Возвращается риторика холодной войны: что якобы приоритетность принципа «невмешательства во внутренние дела» оправдывает «суверенную демократию». Однако если общие ценности, наряду с общими интересами, не будут приниматься во внимание, сообщество безопасности станет лишь бутафорией.

Неуверенность и утрата доверия руководимых к руководителям привели к тому, что во многих европейских странах нарастает ностальгия по ренационализации безопасности, возвращению в национальные ниши. К власти пришло поколение, для которого опыт Второй мировой войны и послевоенного развития — давняя история.

Произошло ослабление связей Америки с Европой. Решения США о постепенном сокращении войск в Европе, снижении военных расходов и большем присутствии в тихоокеанском регионе требуют обеспечения безопасности Европы в новых условиях. Положение не облегчает фискальный кризис и радикальное снижение Францией и Великобританией военных расходов.

Однако авторы доклада Евро-атлантической инициативы в области безопасности убеждают, что если уж западный мир сумел обеспечить Европе безопасность после Второй мировой

войны в условиях острых идеологических разногласий, военной конфронтации и угрозы ядерной войны — это тем более реально сегодня, когда такие разногласия исчезли, а вероятность ядерного конфликта близка к нулю. Ведь раз уж Германии удалось объединиться с Францией и Польшей, то рано или поздно получится договориться и с Россией.

Не исчезли до конца старые угрозы (распространение оружия массового поражения) и появились новые (терроризм, нехватка энергии, угрозы в киберпространстве), но главное препятствие для построения безопасности на основе сотрудничества — кризис лидерства. Авторы доклада пишут: «То, что два года тому назад было лишь хорошей идеей, сегодня стало политическим императивом».

Необходимо признать, что в деле безопасности Запада и России снижается значение военного фактора, а будущее зависит от доверия. Вопрос сложный: Россия в ближайшее десятилетие планирует рост военных расходов на 600 млрд долларов, тогда как США объявили об их сокращении более чем на 500 млрд долларов.

Кроме того, нужно привести к сотрудничеству конфликтующие стороны: Россию с ее соседями, Турцию с Арменией, Молдавию с Приднестровьем.

Для преодоления инерции в этих вопросах авторы доклада EASI предлагают ряд инициатив в сферах военной, гуманитарной и энергетической безопасности. Росту доверия в военной сфере должны благоприятствовать: продление времени предупреждения и принятия решений, разъяснение оперативных доктрин, знание военных возможностей партнеров. Словом, взаимное понимание намерений.

Главное яблоко раздора между Западом и Россией — противоракетная оборона. Здесь позиция России анахронична, в ней по-прежнему слышится шантаж применением силы.

Замороженные конфликты

Выход из тупика предлагает группа политиков и генералов, которой в рамках EASI руководили: Стивен Хэдли, бывший глава Совета национальной безопасности США, Фолькер Рюэ, бывший министр обороны Германии, и Вячеслав Трубников, бывший директор российской разведки. Чтобы добиться сотрудничества Запада с Россией в области противоракетной обороны, авторы предлагают, в частности, совместную программу предотвращения угроз, создаваемых ракетами

средней дальности (до 4,5 тыс. км). НАТО и Россия должны создать общие центры обмена информацией, и каждая из сторон защищала бы свои территории, позволяя в то же время перехватывать пролетающие над ними ракеты, нацеленные на партнера.

Доклад EASI дополняют две разработки, касающиеся разрешения «замороженных» конфликтов и контроля вооружений, который охватывает не только стратегическое, но и тактическое ядерное оружие. И две разработки, относящиеся к энергетической безопасности и роли Турции в предлагаемом евро-атлантическом сообществе.

Доклад завершает обращение к правительствам США, Евросоюза и России с просьбой признать концепцию этого сообщества основой политической философии и обязать военачальников к изысканию возможностей «продлить время раннего предупреждения», а также время, необходимое для принятия решений, связанных с обычными и ядерными вооружениями. Предлагается также возобновление военного обмена и совместные учения по противоракетной обороне.

Что касается «замороженных» конфликтов, таких как между Кишиневом и Тирасполем в Молдавии или между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, — их помогала бы разрешать «группа мудрецов» в рамках ОБСЕ.

Чтобы улучшить отношения России с ее соседями, особенно с Польшей и Прибалтикой, необходимо — пишут авторы доклада EASI — открыть архивы. Еще они предлагают России и Евросоюзу организовать совместный центр по вопросам инноваций и энергетической эффективности и усилить созданный в 2009 году механизм раннего предупреждения о потенциальных нарушениях поставок газа. А также постепенно отменять визовый режим и координировать инициативы в области безопасности Арктики.

Мир меняется быстрее, чем наша способность понимать сущность этих перемен. Новое место ищут себе в нем Соединенные Штаты, Китай, Россия. Центр мировой политики смещается от Европы и Атлантики в сторону Азии и Тихого Океана. Решение, какую роль будет играть в этом мире Европа, примут европейцы. Однако сегодня они заняты собой. Фискальный кризис для них важнее, чем вопросы военной безопасности.

Когда у политиков недостает способности соответствовать переменам, все большее значение приобретают неформальные

экспертные сообщества (такие как «Давосский форум» или же Мюнхенская конференция), объединяющие независимых людей, обладающих смелостью инновационного мышления.

Мир, который мы знаем, уходит в прошлое. Проявляются контуры нового миропорядка, соответствующего новым проблемам. К ним относится фундаментальное изменение роли личности и общества в новом киберпространстве. На бирже политических идей растет спрос на воображение и разум.

«Газета выборча», 4-6.02.2012

НОВАЯ ВОЛНА НАЦИОНАЛИЗМА

В дискуссиях о политическом развитии стран Центральной и Восточной Европы мы часто встречаемся с мнением, что в этой части континента усиливается национализм. Указанное явление, однако, наблюдается в Европе повсеместно. Проблема заключается не в том, что вся Польша, Россия или Украина становятся националистическими. Скорее мы имеем дело с общей поляризацией общества, которая в Европе — и даже в Соединенных Штатах, — проявляется во время политических выборов, когда обнаруживается, что электорат поделится на две почти равные части.

Национализм — вовсе не уникальное явление, присущее исключительно странам Центральной и Восточной Европы (независимо от степени их демократизации). Следует даже подчеркнуть, что на указанном пространстве, где сосредоточено свыше ста миллионов жителей, удалось в течение последних двадцати лет сохранить этнический мир (вопреки австро-венгерской традиции, я не считаю, что Балканы принадлежат к Европе Центра).

Во время трансформации, в период очень глубоких и катастрофических общественных, хозяйственно-экономических и политических процессов здесь не обошлось без жертв, жертв политических и жертв мафиозных, полицейских и авторитарных режимов, но не было пролито ни одной капли крови на почве этнических конфликтов. Контраст с посткоммунистическими странами на Балканах, в Приднестровье — этом молдавско-украинском анклав — на Кавказе или в Центральной Азии просто поразительный. Этнический мир в Центрально-Восточной Европе опирался на очень четко выраженный гражданский инстинкт самосохранения. Примером может служить ситуация на словацко-венгерском пограничье в 1993 г., когда по обе стороны границы уже стояли готовые к бою танки. Не хватало только искры, чтобы дело дошло до кровавого конфликта. Однако обе страны сумели дать отбой и предотвратить вооруженную эскалацию. Оранжевая революция в Киеве заключалась не только в том, что произошла фальсификация выборов, а толпа, жаждущая гражданской демократии, вышла на улицу, но что

обе стороны вовремя отступили и вышли из этого конфликта. Поддержание такого рода центрально-европейского, основанного на инстинкте самосохранения мира — это гарантия мира во всей Европе.

Разумеется, националистические тенденции можно заметить и в России, и на Украине, но они не являются феноменом одной лишь Восточной Европы; мы встречаемся с ними также и на Западе. Однако само мысленное разделение Европы на Восток и Запад, за которым часто скрывается аргумент о культурном отличии, представляется малоубедительным. В Европе культурное разделение — о чем особенно хорошо знают немцы — касается Севера и Юга. Деление на Восток и Запад является исключительно политическим. Нет культурного раздела на оси Восток-Запад. И никогда не было — разве что во времена Западной Римской империи и Восточной Римской империи, которые принадлежат уже далекому прошлому.

Явление, с которым мы имеем дело по всей Европе — то есть подъем националистической волны, характер которой несомненно далек от демократии — напоминает о старом немецком понятии консервативной революции со всем ее романтически-модернистским багажом. В мире политики это означает прежде всего навязывание мировоззрения — в давнишнем и плохом смысле немецкого понятия *Weltanschauung* (миропонимание), т.е. комплекса моноцентрических убеждений, ассоциаций и представлений о мире, не подлежащих ни рациональной верификации, ни какой-либо дискуссии, а также не поддающихся попытке определить их истинность в дискурсе или диалоге. За этим скрывается недоверие к формальной и правовой демократии, к безличным правовым демократическим процедурам, поддерживается же понимание демократии как становление воли коллективной общности, политической воли. Именно так, как это имеет место в названии самой большой польской оппозиционной партии^[1] противопоставляющей справедливость закону. Такое чувство справедливости считается эманацией коллективной воли. На почве подобных представлений очень быстро могут быть сформулированы политические цели и как результат эманации этой мифической коллективной воли выдвинуто руководство.

Когда — как в данном случае — дедуктивное мышление берет верх над индуктивным, исходной точкой становится чувство какого-то потенциального целого, с которого якобы все началось. Вслед за этим мы через эманацию доходим до все более утонченных его порождений. На первых порах существует

нация или общность, из нее возникает движение, а из руководящей им организации выдвигаются предводители, указывающие одного вождя, который должен вести вышеназванную общность. Такого рода мышление появилось когда-то одновременно в Западной, Восточной и Центральной Европе.

Двадцать лет исследований электората в посткоммунистических странах Центрально-Восточной Европы показали, что 20–30% избирателей свойственны популистские, националистические и ксенофобские настроения, причем одновременно проявляются сильные коммунистические ресентименты. Это результат хорошо усвоенного отождествления «народной» и «национальной» демократии с потребительской утопией социального и этноцентрического (национального) солидаризма, а не с правовыми политическими процедурами. Нынешний европейский и мировой кризис, вероятно, является не только кризисом конъюнктуры, но носит характер длительного цикла. Напрашивается вопрос, не является ли нестабильность в России, Беларуси и Украине, касающаяся политического лидерства и легитимизации общественного строя, следствием как раз данного кризиса. Так или иначе, оба указанных процесса — и нестабильность, и кризис — не способствуют демократизации в этих государствах, а время, когда можно было обольщаться утопией трансформации и модернизации, уже давно миновало. Демонстранты, которые столь массово вышли в Москве на улицы, бесспорно обладают революционным сознанием, а специфика этой «революции» состоит в том, что она примеряет на себя костюм революции консервативной. Упомянутая революция не стремится к созданию правового государства, скорее она представляет собой эманацию коллективной воли, которая жаждет перемен в притесняющем и в значительной мере криминализированном государстве. Перечисленного, однако, слишком мало, чтобы построить демократическое государство, и в этом заключается карнавальный и инверсионный характер сегодняшней «революции» в России.

Если мы взглянем на другую территорию в Европе — к примеру, на Польшу, — то есть смысл спросить, не эта ли общность революционно-консервативных представлений как раз и объясняет легкость ошеломляющих персональных переходов между такими политическими лагерями, которые с виду кажутся предельно противоположными. Радикалы из числа правых и левых (публицисты, интеллектуалы, политики) запросто меняются местами, не теряя при этом радикализма.

Вектор остается тем же самым, но его направленность меняется, и нежданно-негаданно самый что ни есть правый публицист попадает в самый левый журнал — и наоборот. Вот и недавний массовый протест так называемых «актавистов» против договора АСТА^[2] объединил на улице представителей крайне левых взглядов с крайне правыми под общими лозунгами, которые довольно быстро приобрели политический характер так называемой прямой демократии. Однако если перепрыгивать таким образом оказывается делом столь легким, напрашивается подозрение, что существует нечто, связывающее между собой оба «мировоззренческих полюса» и облегчающее подобное скольжение. Это «нечто», похоже, представляет собой революционно-консервативное отвращение к системному легализму демократии.

Еще один связанный с консервативной революцией аспект, который мы замечаем во многих европейских странах, — это тенденция к росту внесистемной оппозиции, выходящей за формальные рамки демократических процедур, оппозиции, в равной степени отрицающей как легитимность существующих вариантов государственного устройства, так и их форму. Подобным образом обстоят дела и в Польше, где самая сильная оппозиционная партия, т.е. «Право и справедливость», претерпела весьма заметную эволюцию. В свое время это была партия, соблюдающая демократические правила, однако в течение уже достаточно долгого времени она превращается в партию, вербально отрицающую сегодняшний строй и политическую систему. «Право и справедливость» остается парламентской партией, но выходит на улицу под лозунгами изменения конституции, призывая к «Будапешту в Варшаве». Тем временем на правом крыле растут ее конкуренты в виде консолидирующегося националистического движения, которое уже напрямую декларирует себя как антидемократическое и антиевропейское. Аналогичное явление дает о себе знать во многих странах Центральной и Восточной Европы. Да и толпа в Москве тоже протестует не только против одной стоящей у власти группы, выступая против нее как оппозиция, но оспаривает легитимность всей системы. Схожие явления имеют место в Беларуси, Венгрии, Болгарии. Демократия ли это? Скорее перед нами революция аутсайдеров — популистская в той мере, в какой она отвергает формальные институты и процедуры; революционно-консервативная в той мере, в какой признаёт себя эманацией коллективной воли, которая сама себя легитимизирует; аутсайдерская в том плане, в каком она разрушает окостенелые рамки системы, не оставляющей своим аутсайдерам никакого поля для проявления общественной активности.

Адам Поморский — председатель польского ПЕН-клуба, эссеист, переводчик с русского, немецкого, английского, белорусского и украинского языков.

Выступление на конференции «Как далеко зашла демократия в Европе?», которую 6 декабря 2012 г. организовали в Нойхарденберге Европейский центр солидарности (Гданьск) и фонд Schloss Neuhardenberg («Замок Нойхарденберг»).

-
1. «Право и справедливость» («закон и справедливость», польск. Prawo i Sprawiedliwość, PiS) — консервативная политическая партия Польши, возникшая в 2001 году.
 2. Anti-Counterfeiting Trade Agreement, торговое соглашение по борьбе с контрафактной продукцией

ПЕНДЕРЕЦКОМУ — МНОГАЯ ЛЕТА, А ПОКА 80

Знаменитому польскому композитору-классику Кшиштофу Пендерецкому 23 ноября исполнилось 80. Его знают и любят в Петербурге, поскольку он здесь выступает и как автор, и как дирижер уже десятки лет. Пендерецкий — обладатель более сотни международных премий, в том числе нашей «Балтийской звезды», а на рубеже тысячелетий был удостоен в Каннах премии как самый великий из живущих композиторов.

Сначала он прославился как авангардист, но в последней четверти XX века испытал на себе влияние творцов музыки XIX века. Большое место занимает в его творчестве музыка духовная, причем особенная роль принадлежит музыке, связанной с православной традицией.

Пендерецкий считает Петербург не только культурной, но и духовной столицей России. Он серьезно изучал древнерусскую музыку, церковнославянский язык, исследовал отношение текста к музыкальной фразе. Именно здесь, в Смольном соборе, несколько лет назад состоялась российская премьера его «Утрени» для солистов, трех хоров и симфонического оркестра.

В последние годы мне, как автору пишущему для польских периодических изданий, не раз доводилось беседовать с паном Пендерецким, брать у него интервью. Сегодня я хочу познакомить читателей с наиболее примечательными фрагментами этих разговоров.

Моя музыка — музыка славянина

— Вы прославились еще в 60-е годы «Плачем памяти жертв Хиросимы». Как вы сегодня относитесь к этому произведению?

— Оно не теряет актуальности и сегодня, поскольку в мире происходит много трагических событий. Все время войны... А уж что такое концлагерь Аушвиц! Я сам пережил войну, и в «Польском реквиеме» как раз писал о жертвах этого лагеря, о страданиях Польши вообще. Это одно из самых значительных моих произведений, отражающих мое отношение к миру.

Многие современные композиторы пытаются мне подражать. Например, Джонни Гринвуд. И эти произведения пользуются большой популярностью у молодежи. Мы с Гринвудом даже давали совместные концерты. Например, во Вроцлаве был переполнен 10-тысячный зал, а в Гданьске мы выступали в чистом поле, где собрали целых 50 тысяч зрителей!...

— **Какие еще ваши произведения особо вам дороги?**

— Например, первая опера «Дьяволы из Людена» (1969). Очень дороги все мои симфонии еще и потому, что, по сути, они представляют собой цикл, в котором одна симфония перетекает в другую. Камерная музыка занимает у меня особое место. И чем старше я становлюсь, тем важнее она для меня. Вообще сейчас композиторы не сочиняют камерной музыки, просто не умеют. Это иногда и труднее — она же интимна, исходит из глубины души. Ведь написать для четырех, трех, одного инструмента, возможно, даже и труднее, чем для большого оркестра.

— **Можно ли говорить о какой-то одной музыкальной теме присущей только вам?**

— Нет, у меня очень разнообразная музыка, многожанровая. Но у нее есть одна общая черта — она близка человеку. Мне вообще очень близок и дорог человек. Я использую в своем творчестве Евангелие, написал много духовных произведений, но у меня при этом все же на первом месте не Бог, а человек. Жизнь человека ведь иррациональна, поэтому многие композиторы всегда будут обращаться к духовному.

Моя музыка часто носит абстрактный характер. Я думаю, если бы я жил в Новой Зеландии, я писал бы не такую музыку, которую создаю, живя в Польше. Мой народ, моя семья, события вокруг — это моя жизнь, это меня и наполняет. И хорошо, что моя музыка задевает и русского человека, и слушателей многих других стран. Моя музыка — музыка славянина, швейцарец, например, скорее всего, вообще не будет писать музыку, а предпочтет сделать часы или сыр.

Для кино — редко, но метко!

— **Как складывались ваши творческие взаимоотношения с кинематографом?**

— Еще в 60-е я написал музыку для фильма «Рукопись, найденная в Сарагосе» В. Хаса и для картины «Je t'aime je t'aime» А. Рене. Было еще несколько работ. Брали мою музыку и

С. Кубрик, и М. Скорсезе... Совсем недавно я написал музыку для «Катыни» А. Вайды. В Катыни погиб мой дядя, а у Вайды — отец. Но вообще-то композитор, который пишет симфонии, у режиссеров не вызывает особого интереса.

В моих планах — музыка к поэзии Есенина.

— Вы обычно волнуетесь при подготовке к дирижерскому выступлению?

— Конечно, если оркестр плохо подготовлен или вообще плохой, то могут быть проблемы. Ну, а если такой оркестр, как в Петербургской филармонии, который и играет великолепно, и прекрасно понимает мою музыку, то для меня это одно наслаждение.

— Вводите ли вы в свои композиции современные электронные инструменты?

— В 60-е годы я увлекался электроникой. Даже много чему тогда научился. Но все же предпочитаю живую музыку. Сегодня я уверен, что из такого оркестра могу добыть больше, чем из электронных инструментов.

— Какие музыкальные инструменты особенно близки вашему сердцу?

— Человеческий голос.

— Какие композиторы прошлого и современности в мире, в Польше, в России вам больше всего нравятся?

— Многие. Из классиков — Бах, Монтеверди, прежде всего Бетховен. Очень люблю симфонии XIX века, например Малера, но, пожалуй, больше всех — Брукнера. Если говорить о XX веке, то это Рихард Штраус, Барток, Мессиан. Из российских классиков XIX века люблю практически всё, начиная с Бородина. Ну, а Чайковский — это уже мировая музыка! Люблю и Рахманинова, и Прокофьева, но у этого последнего скорее не большие оркестровые произведения, а камерные. Ценю Шостаковича как автора не только симфоний, но и великолепной камерной музыки, она просто уникальна! Скрябин мне очень интересен. Русская музыка вообще заняла достойное место в музыке XX века.

Из современников я нахожусь в дружеских отношениях с Р. Щедриным, С. Губайдуллиной.

И русскую литературу я всегда считал для себя очень важной, она обогащает мой внутренний мир. Кстати, в Польше она вообще очень популярна. У меня в планах музыка к поэзии Есенина.

— Что в музыкальном мире оказалось для вас наибольшим потрясением, наибольшим открытием?

— Я рос в маленьком городке. Помню — мне было тогда около 14 лет — как мы с отцом поехали в Краков на концерт «Страсти по Матфею» Баха. Для меня это было и настоящим потрясением, и великим открытием. В те коммунистические времена, в 40—50-е, по радио такой музыки не передавали. Даже в филармонии религиозную музыку услышать было довольно трудно, ее начали исполнять гораздо позднее.

Форма первична

— Ну, а какой звук или звуки вызывают у вас наиболее глубокие чувства?

— Если говорить о музыке — это ведь математика, абстракция, не имеющая прямого отношения к природным звукам. Я лично мыслю скорее формами, и только потом приходят звуки, музыка. Форма первична... Хотя, пожалуй, может быть и такой звук, который провоцирует меня на написание чего-то. Например, в «Семи вратах Иерусалима» я использовал инструмент, который сам сконструировал — тубафон. Я видел, как в Полинезии аборигены играют на бамбуковых трубах. Это был необычный звук, который оказался действительно чем-то новым, и мне захотелось воспроизвести его с помощью тубафона.

— Ваша музыка отражает мир или пытается его улучшить? Может быть, вы своей музыкой стараетесь помочь человеку стать лучше?

— Конечно, когда я был молод, я был идеалистом и думал, что искусство, музыка могут изменить мир, человека, сделать их лучше. Но сейчас так не думаю.

— А если бы вдруг сегодня сам Господь Бог вам сказал: «Кшиштоф Пендерецкий, вы — выдающийся композитор, создайте ту музыку, которая может изменить мир к лучшему!» Что бы вы ответили?

— Конечно, если бы сам Господь Бог обратился ко мне, я бы это сделал, но сомневаюсь, что Он ко мне обратится.

— Но вы — верующий?

— Конечно, я написал столько религиозной музыки.

— При этом без общения с Богом?

— Пока да. И думаю, что никогда этого не произойдет.

— Просто, знаете, многие творцы ссылаются на Бога: «на меня что-то снизошло».

— Я нормальный человек, не метафизик.

— С какой музыкой вам приятнее отдыхать, а какая — вдохновляет на творчество?

— Вообще музыка мешает. Когда я пишу, я не слушаю никакой другой музыки. А для удовольствия чаще слушаю классику, например полифонию XVI века. Вообще люблю абстрактную, полифоническую, сложную музыку. Но просто так я музыку не слушаю. Тем более, если у меня вечером концерт. Мне любая, звучащая где-то музыка просто мешает.

— Вы, стало быть, любите тишину?

— Да. Я постоянно живу в мире звуков, и от этого порой трудно куда-то спрятаться. У меня есть свой дом, большой парк, я увлекаюсь ботаникой. Там я себя чувствую лучше всего... Но и там у меня... птицы поют.

Русский храм вдохновляет больше, чем западный

— Что увлекает вас в русской духовной музыке?

— Во-первых, в русской христианской традиции бóльшую роль, чем в западной, играет сама музыка. Как я давно обнаружил, служба в русском православном храме — это некое действо, нечто вроде музыкального театра. Без музыки, без пения службу в русском храме даже представить себе невозможно. В Польше, например, священник не поет, служба идет как бы в разговорном жанре. Мне кажется, что для композитора русский храм является источником вдохновения большим, чем западный. Я давно увлекся русской духовной музыкой. У меня уже есть несколько основанных на ней композиций для старославянских текстов...

— Что, по-вашему, сообщает человеку русская духовная музыка?

— Коль вся православная литургия построена на музыке, в таком случае это совершенно иная концепция литургии, где рождается свой посыл, свое особое воздействие. И тут невозможно ничего выразить словами, невозможно ничего вычленишь, невозможно смысл сформулировать в виде некоего сообщения. В этом удивительном русском музыкальном театре принимают участие все, и в итоге всё предстает совершенно по-другому, чем на Западе, здесь все находящиеся в храме участвуют в действе и в переживании. Так вот и является тот самый уникальный феномен русской общности, соборности.

— А лично у вас какие ощущения возникают, когда вы слушаете эту музыку?

— Композитору вообще трудно словами передавать свои чувства, он их скорее может выразить в музыке... Могу лишь сказать, что я чувствую язык русской духовной музыки, понимаю то, из чего он складывается. Мне это нравится, близко, это — мой язык.

— То есть вы ее скорее воспринимаете рационально, как конструкцию, анализируете, из каких элементов эта прекрасная конструкция складывается?

— Да, да... То есть сначала чувствами воспринимаю, а потом рационально. От чувства — к разуму.

— Если вы так высоко цените русскую духовную музыку, то можно ли на этом основании говорить и об особой духовности русского народа?

— Думаю, да... В русской духовной музыке вообще больше спонтанного, чувственного, а в западной духовной музыке больше сдержанности, рассудка, рационализма. В костеле нет эмоций. Там человек более в себе, музыка сосредоточена внутри человека, а здесь она выплескивается, становится средством общения.

— Интересно, но вот даже режиссер К. Занусси, который многие годы был советником по культуре при Папе римском, говорил, что обретения христианством в мире нового дыхания он ожидает не столько от католической, сколько от возрождающейся сегодня православной Церкви.

— Я бы так не стал говорить. В польском костеле тоже есть большая духовная глубина. Просто она более сдержанно проявляется.

— Но, как известно, своя духовная музыка есть и у южных народов, мы знаем, например, американскую негритянскую духовную музыку — спиричуэлз.

— В этих случаях вряд ли может идти речь о том уровне духовности, о котором мы говорим. Скорее такая музыка говорит не о духовности, а о характере этих народов, об их темпераменте, ну, и спонтанности. В Европе сложилось так: есть великий Бог и есть маленький человек, а вот у них Бог как бы доступнее, ближе, и всё в отношении к Богу спонтанно выплескивается наружу. Американские баптистские храмы можно назвать «экстравагантным христианством» (смеется).

Петербург — словно творение одного архитектора-композитора

— О Санкт-Петербурге любят говорить, что это город архитектурных ансамблей, со своим выраженным стилем, духом, что он монументален. Возможно, Петербург близок в чем-то вашей музыкальной системе?

— Меня особенно радует очень богатая музыкальная жизнь в Петербурге, он живет музыкой, музыка его питает, здесь очень хорошая публика. Если речь идет о музыке — это, можно сказать, главный город России. Сам же город, его образ, я воспринимаю как воплощение порядка и гармонии. Его построили за очень короткое время, и сразу подходили к его созданию, исходя из концепции целостности, ансамбля. Я много повидал на свете, но нет других таких городов в мире. К счастью, период социализма его облик не испортил. Старый Петербург — будто творение одного архитектора-композитора. Замечательно, что все это сохраняется.

— Что Вас радует более всего в жизни, что огорчает?

— Радует более всего мой сад, который я давно выращиваю, мои деревья. Они постоянно меняются: цветут, растут, развиваются. Когда я писал свою 7-ю симфонию, источником вдохновения стали для меня ... мои деревья, сад. Я чувствую деревья, словно живые существа. Думаю, это единственное произведение в мире, которое написано в честь деревьев. А огорчает, расстраивает меня больше всего политика, особенно польская.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ПОХОРОНЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

«Интеллигенция замолчала», — бьет тревогу Барбара Скарга, «Интеллигент сходит со сцены», — заявляет Людвик Стомма. «Прощание с интеллигенцией» пророчит Павел Спевак в названии недавней лекции.

Такие и похожие заглавия и диагнозы появляются в течение последних ста пятидесяти лет с завидной регулярностью. В этом круговороте есть что-то неприятное и нечто вдохновляющее. Неприятно то, что нет тут ни преемственности аргументов, ни развития дебатов. Авторы статей о смертельной болезни интеллигенции в их очередной серии не всегда помнят, а еще реже обращаются к тому, что чуть раньше или совсем недавно писали об этом, например, Ежи Шацкий и Анджей Валицкий, Адам Михник или автор этих строк, и каждое возобновление дискуссии идет по принципу «лыко да мочало, начинай сначала». Зато вдохновляет то, что возвращение этой сакраментальной темы свидетельствует о беспокойстве и тревоге за состояние национальной культуры — а пока есть беспокойство, все не так уж плохо.

Отвращение

Кажущийся уход интеллигенции одних тревожит, у других вызывает чувство злорадного удовлетворения. Барбара Скарга очень расстроена, ее статья «Интеллигенция замолчала» полна еще большей горечи, чем предыдущий текст «О гражданстве». В той статье она поделилась с нами наблюдением, что мы погрязли в кризисе воображения, в духовной пустоте. В каждодневной суете ни у кого уже нет ни времени, ни желания для серьезных разговоров, для гражданских раздумий о том, куда движется наша страна, и что мы должны для нее сделать.

В своем последнем высказывании Барбара Скарга еще более пессимистична. «Интеллигенция, — пишет она, — совершенно обособилась: ей ставят в вину побочные последствия экономической трансформации, ее заглушили лязгом крикливой развлекательной культуры, которая не требует ни образования, ни мышления, ни даже остроумия. (...) Так что у нас есть демократия, но в своеобразном виде — как господство вкусов толпы. А толпа любит зрелища. Сегодня в качестве

такого зрелища для черни выступает люстрация». Призывы к люстрации пробудили в обществе навязчивую жажду мести и подавили то, «что всегда было этосом интеллигенции — уважение к человеку, в том числе и к сопернику».

«Так что же может интеллигенция в этой атмосфере ничтожества, подлости и громких слов о моральном возрождении, которые звучат фальшиво?», нет ей места в националистическом и антисемитском климате. «Может, она вообще исчезла, может, замкнулась в своем профессионализме... Да, интеллигенции уже нет места. Может, она возродится в теперешнем молодом поколении? Может, молодое поколение затоскует о другом образе жизни?»

И как тут спорить с кем-то, кто в состоянии такого отчаяния, кого охватило чувство такого отвращения? Что ему противопоставить? Ведь это не отдельный голос. Люди, которые ожидали какого-то приличия в публичной жизни, в этой атмосфере демагогии, наполненной презрением и агрессией всех против всех, чувствуют себя плохо. Они склонны, как обычно, искать причины в себе. Может, интеллигенция была не на высоте положения? Не смогла организовать? Фактом остается то, что самая близкая ей партия оказалась какой-то бессильной. Имея массу козырей и мудрых предводителей, она позволила себя потопить и не находит в себе достаточно сил, чтобы вынырнуть на поверхность.

Кто кого не любит

Людвик Стомма, автор, как правило, вдумчивый, ляпнул, однако, глупость, когда написал, что «польской интеллигенции неизменно сопутствует хорошее самочувствие: она глубоко уверена, что она соль земли, властительница дум и основной двигатель национальной истории... Тем временем нет ничего более ошибочного, чем этот радостный самообман».

Неправда, нет ничего более ошибочного, чем такой стереотип. У польской интеллигенции, за исключением редких и кратких мгновений, вечно плохое самочувствие, она беспрестанно бичует себя вдоль и поперек (перьями своих литературных представителей) за то, что не доросла до своего исторического назначения. Стомма говорит, что избиратели отвернулись от Унии Свободы или от ее наследницы, демократической партии, по причине ее самоуверенной грубости. Видимо, избиратели шепнули это Стомме на ухо. Но ошибкой демократов, по его мнению, должно было быть также и то, что они не смогли противопоставить себя популистской демагогии,

«ненавистничеству [его термин] „Радио Мария”» и «лозунгам дешевого национализма». Если не смогли, то, наверное, были недостаточно, а не чересчур самоуверенны? Но вот что происходит дальше. Видя поражение демократов, «Гражданская платформа» хитро присвоила те не свергнутые ими лозунги: «Так на сцене снова появилась модель интеллигента, уверенного в своей мудрости, но одновременно желающего быть любимым, теряющего свою самоидентификацию, отыскивающего несуществующий в Польше мещанский этос...». Несчастливая модель: она появилась на сцене для того только, чтобы сойти со сцены, как констатирует уверенный в своей правоте фельетонист.

Все это не так. Нет никакой модели. Польская интеллигенция, как и любая другая, делилась и делится на разные идейные группы, от правых до левых (не говоря уже о тех ее группах, которые вообще не интересуются общественной жизнью, не имеют постоянных убеждений, голосуют, как вздумается, либо не голосуют вовсе). Интеллигенты, порой с профессорскими званиями, составляют передовые группы всех партий, так как по-другому сегодня быть не может. За исключением нескольких талантливых самородков, таких, как Валенса или Леппер, предводители политических партий имеют преимущественно высшее образование и какую-нибудь соответствующую профессию, у них также есть какое-нибудь идейное окружение и обученные советники. Утверждение о том, какая партия более других интеллигентская — для того, чтобы ее защищать, или для того, чтобы, чтобы на нее нападать, — слишком категорично, так как неясно, чем это должно определяться: процентом образованных людей среди ее членов или избирателей или, может, ее декларациями?

Поэтому и вывод из рассуждения Людвика Стоммы, что «этот народ не доверяет интеллигенции, и к тому же, возможно, — что грустно — просто ее не любит» — не кажется мне убедительным. Народ по этому вопросу не высказывается. Высказывается, как правило, речистый и грамотный класс, одни представители которого не доверяют другим, и к тому же, возможно, — что грустно — одни других не любят. И одним удастся привлечь на свою сторону миллионы избирателей, а другим нет, и это зависит от переплетения многих факторов, обстоятельств, способности убеждать и, наверное, меньше всего от программы.

Наследство

Раньше было лучше? Барбара Скарга склоняется к тому, что да. Потому что польская интеллигенция распространяла идеалы

просвещения, а позже — позитивизма, заботясь всегда о сохранении народа и его культуры и сопротивляясь при этом национальной мегаломании. «Такой была интеллигенция еще в межвоенное двадцатилетие. Открытая, светская, толерантная, чаще всего пилсудчиковская, с левыми симпатиями». И несмотря на все перипетии, она и после войны полвека сохраняла дорогие ей культурные ценности, а также «образ жизни, основанный на идеалах просвещения, на жажде свободы и уважения любого человека».

Это было бы чудесно. Однако профессор Скарга прекрасно понимает, что под понятие интеллигенции она подводит здесь только одно, да и то идеализированное течение, наиболее близкое ее сердцу, наиболее близкое и мне и многим нашим общим друзьям, чрезвычайно важное продолжение традиции, которое, однако, должно было — и хотело! — бороться с другими идейными течениями и программами. Разве они не были такими же интеллигентскими? Принятие столь узких терминологических рамок лишило бы историю интеллигенции, а может, даже и всю польскую интеллектуальную историю ее драматической напряженности и противоречий. Образованные идеологи создали, наряду с национальным движением, самые разные варианты социалистического движения, они снабжали программными идеями и лозунгами как лагерь католического консерватизма, так и свободомыслящих бунтарей. Интеллигенция не создала собственной значительной партии, поскольку входила в политический и интеллектуальный круговорот всех соперничающих друг с другом группировок.

Общей, лежащей у истоков традицией польской интеллигенции является принципиальная дискуссия о том, что в коллективной жизни народа самое важное, спор о цивилизации. Ключевые вопросы этого спора меняются, но сама полемика продолжается, а пока она идет — интеллигенция существует. Адам Михник, автор, который наиболее открыто позиционирует себя в кругу интеллигентской традиции, вспоминая нападки на эту традицию в «Мыслях современного поляка» Романа Дмовского, пишет: «Смерть польской интеллигенции объявили постоянно, чтобы позже с неким удивлением отметить ее воскресение. Думаю, что эта традиция, традиция великого духа польской культуры, который лежит в основе польской интеллигенции, ее специфичной духовности, ее неповторимого этоса, — что эта традиция никогда не исчезнет, и не сломят ее ни компьютеры, ни интернеты, ни сотовые

телефоны» («Бешенство и стыд», с. 290–291). Заявление в чем-то, может, слишком пафосное, но ясное.

Какие «Мы»?

Однако тот же самый автор несколько раз признает в своих статьях, что проиграл. Многим из нас сегодня знакомо чувство поражения. Есть оно у Барбары Скарги. Есть оно, как видно, и у известного публициста Яцека Жаковского, если уж он открыл неисчерпаемый источник мудрости в «Восстании масс» Ортеги-и-Гассета, известной книге аристократа духа, который с ужасом смотрел — 75 лет назад — на разнузданную вульгарность и цинизм демократической политики и культуры. В самом деле, если прислушаться к голосам, доносящимся с нашей крикливой политической агоры, легко убедиться, что это не уличная толпа, не темные сельчане дискредитируют нашу публичную сферу, что в основном это падкие на власть и способные на подлые маневры выпускники вузов. Образование не гарантирует, к сожалению, гражданской добродетели.

Нет, мы не были настолько наивны, чтобы воображать себе — тогда, много лет назад — что как только падет партийная диктатура, то безгрешный суверенный народ создаст безгрешное государство. Все же приходится признать, что мы связывали слишком большие надежды с процедурами демократической селекции. Они принесли нам страшное разочарование, на радость нашим неприятелям и насмешникам.

Но кто это «мы»? — слышу я вопрос и не знаю, как на него ответить. Мы, интеллигенция, согласно Барбаре Скарге? Как раз не совсем, так как «они» тоже интеллигенция. Мы, демократы? — но это наименование размылось, и значение его стало неясным. Либералы? Наверно, во многом, но не без оговорок и, скорее, с неприязнью к либеральному доктринерству в экономической сфере. Левоцентристы? Это хорошо для определения коалиции в парламенте. Люди связанные с Комитетом защиты рабочих, Товариществом научных курсов, Круглым столом? Это исторические названия, которые сегодня уже мало кто помнит, а впрочем, мы разбежались по разным направлениям. Действительно, непросто придумать себе название, а ведь мы находим друг друга без труда, узнаем по нескольким словам. И по газетам, которые вынимаем из сумок или карманов.

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Мы читаем «Газету выборчу», «Политику» и «Тыгодник повшехны».

Иногда еще «Жечпосполиту» (в особенности субботний «Плюс-Минус»), иногда «Пшекруй» или левый «Пшеглёнд», из ежемесячников стараемся просматривать (так как на нормальное чтение времени уже не хватает) «Зешиты литерацке», «Рес Публику нову», «Пшеглёнд политичный», «Вензь». Случается нам в эти журналы что-то и посылать. Вот, значит, какая у нас идейная самоидентификация, вот оно — наше самоопределение.

Сошли ли мы со сцены? Наша сцена — это общественное мнение. Замолчали ли? Если и можно нас в чем-то обвинить, то, скорее, в болтливости: мы издаем слишком много заполненных текстом страниц, которые просто невозможно пролистать, если, кроме этого, есть еще какие-то профессиональные или семейные обязанности. Ведь чтобы прочитать все, что в этих журналах того стоит, нужно посвящать этому несколько часов ежедневно.

Журналы эти стали школой и сценой для многочисленного ряда ведущих публицистов, комментаторов и очеркистов разного возраста, которые подняли польскую информационную и идеологическую прессу на тот уровень, которым мы можем по праву гордиться. Они с достоинством выполняют существеннейшую функцию интеллигенции — и это не роль лидеров, а бдительный критицизм и поднятая тревога, как только опасность начинает угрожать основам национального бытия, конституционного порядка и прав человека.

В этой миссии есть и потери — к ним следует отнести упадок культурных еженедельников, которые в ПНР были одним из самых интересных очагов идейной жизни. Однако что-то уже возрождается: приложение «Ксёнжки в Тыгоднику» (приложение к «Тыгоднику повсехному») стало лучшим, хотя и нерегулярно выходящим, литературным журналом, а без издаваемого «Политикой» «Незбендника интеллигента» обходиться все сложнее. На полках с ежемесячниками и ежеквартальниками мы видим огромное разнообразие и обилие блюд, значительно превышающее возможности потребления.

Если добавить к этому, что во время выступлений признанных лекторов зал заполнить не сложно, что на встречи с Лешеком Колаковским, с Зигмунтом Бауманом или с Рышардом Капустинским невозможно пробиться, словно это какие-то кинозвезды, что в салоне профессора Дудека во Вроцлаве почтенная группа ученых может дискутировать до полуночи, что у политических дебатов в Фонде Батория или в салонах «Политики» есть своя верная публика, что на лекции Адама

Михника самая большая университетская аудитория столицы полностью забита аплодирующей ему молодежью, — если принять все эти и многие другие подобные факты во внимание, то трудно не прийти к выводу, что пульс интеллектуальной жизни и идейных споров бьет у нас вовсю. Достаточно пройти по нескольким хорошим книжным магазинам, чтобы убедиться в том, что во всей истории польской культуры не было более благодатного времени.

Делом рук интеллигенции является также общественное движение в нашей стране. Оно не развилось еще до уровня идеала гражданского общества, но всё же призывы защитить права человека — независимо от того, где их нарушают и попирают — находят доброжелательный солидарный отклик, в особенности в академической среде. Протест против проявлений расизма, антисемитизма, ксенофобии и гомофобии активизирует все более широкие круги. И ничто, как утверждает компетентный социолог Генрик Доманский, не свидетельствует о потере статуса, который в общественной иерархии закреплён за интеллигенцией. Но если так, то отчего возникает этот тягостный пессимизм, откуда эти упаднические настроения?

Две культуры

Отчасти, вероятно, оттого, что склонность жаловаться на плохие времена всегда была характерной чертой нашего национального характера. Что, однако, не объясняет всего. Главной причиной представляется то, что культура этой нашей светской и либеральной (или как там ее) интеллигенции находится под своеобразным колпаком, практически не пересекаясь с большим телевизионным шоу. Голос критических наблюдателей и аналитиков политической ситуации с трудом пробивается сквозь шум СМИ и массовой культуры, потому что шефы телевизионных программ понимают, что зритель жаждет сенсации и скандалов, а не тонких аналитических рассуждений, позволяющих понять смысл конфликтов.

Однако было ли когда-нибудь по-другому? Высокая, интеллектуально и художественно рафинированная культура всегда развивалась рядом с площадной культурой, впрочем, не лишенной ценности, и обмен между этими автономными организмами был ограничен. Но вот в последнее время площадная культура получила в свое распоряжение такие технические и коммуникационные средства, какие интеллектуалам даже не снились, и взаимоотношения обеих культур радикально изменились. Они словно поменялись местами. Площадная культура стала невероятно богатой,

элитарная же культура оскудела. Площадная культура смотрит на элитарную без комплексов, иногда снисходительно позволяя, чтобы и той кое-что перепало. Высокая культура, потерявшая уверенность в своей высоте, немного надулась, обиделась и явно ревнует к славе первой.

Площадная культура захватила практически всю политическую сферу. Политик должен быть постоянно на сцене, должен ежедневно оболящать зрителей и всякий раз проверять: нравится ли он им еще? Не каждый подходит для такой роли, она требует особых талантов. Но ведь это и значит, что идея власти народа доведена до своего логического конца: если раньше левые критиковали «буржуазную демократию» за то, что она исключительно формальна, поскольку позволяет народу высказываться всего лишь раз в четыре-пять лет, то теперь народ в ипостаси статистических данных может высказываться каждую неделю в непрекращающемся референдуме опросов.

Эстетика демократической политики неизбежно отличается от эстетики элитарной культуры, хотя «элиты» (скверное и многозначное слово) вместе с распространением образования стали сегодня значительно шире, чем были когда-то. Поэтому известный уровень отчуждения интеллигенции от глобального общества неизбежен. Вопрос состоит в том, как с этим быть. Здесь возможно несколько решений.

Самое простое состоит в том, что интеллигентский ментор должен исчезнуть, самоликвидироваться как класс. Как, впрочем, и предложил известный либеральный публицист, который в своей книге обвинил интеллигенцию в том, что она лишила поляков чувства экономического успеха: «Точка зрения большинства польских интеллигентов не учитывает того факта, что их наполовину самозванные роли общественной, политической, экономической и даже духовной и интеллектуальной элиты достигли исторического финала вместе с определенной эпохой. Сегодня эти роли перехватывают профессиональные политики [ой, правда! — Е.Е.], предприниматели, менеджеры, эксперты и креативщики [?]. Интеллигенты смириться с этим не в состоянии и свою смену считают обманщиками, выскочками и узурпаторами. А раз уж это люди достигшие успехов в современном мире, то сами эти успехи в интеллигентских глазах становятся подозрительными и сомнительными» (Януш А. Майхерек «В поисках новой самоидентификации», с. 127). Какие глаза у автора этого диагноза, я не знаю, но важно, что он нашел виновника польской зависти и подозрительности.

Можно еще попытаться перекинуть мост между площадной и элитарной культурами, попробовать согласовать интересы, особенно в средствах массовой информации, где обе культуры сталкиваются и пересекаются самым непосредственным образом. Именно роль медиатора я и предвидел для интеллигенции в своей годичной давности статье «Интеллигенция в демократическом театре» («Газета выборча» от 31 декабря 2004 г.). Я полагал и полагаю, что таким компромиссам есть место даже в политике, где обычаи беспринципной борьбы и дешевого театра нужно сочетать с растущими требованиями профессиональной компетенции. В остроумной и язвительной полемике (Марта Цабянка, «Компромиссы ратников», «Газета выборча» от 10 января 2005 г.) предложение это было истолковано как предательство истинных ценностей, как их размывание, как капитуляцию интеллигента: «Элитарную культуру, — заявили мои спрятавшиеся за псевдонимом оппонентки, — не удастся примирить с культурой супермаркета».

Однако это зависит, вероятно, от того, что значит «примирить». Конечно, не удастся стереть существующие между ними различия. Но можно же способствовать сотрудничеству, искать нейтральные территории, а если надо — идти на уступки — вместо того, чтобы холить и лелеять взаимное презрение. Можно стараться крикливые схватки и турниры политиков сделать более цивилизованными, одновременно работая над тем, чтобы язык политических анализов стал доступнее.

Ведь если нет, то что нам остается? Отступить, порвать все связи, спрятаться за нежеланием понять друг друга? И лишь с горечью повторять, что мы здесь чужие, что наше время прошло? Но ведь это неправда, что наше время было лучше. Во многом оно было гораздо хуже. Может, просто в конце жизни нам не хватает терпения.

«Газета выборча», 2006 г.

Ежи Едлицкий — профессор института истории Польской АН, в течение 15 лет руководил лабораторией истории интеллигенции. Его последняя книга — «Мир: опасения и приговоры критиков современности» (Sic! 2000). Сотрудник «Газеты выборчей».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Двадцать пять лет тому назад в Польше свершилось «чудо Круглого стола». В стране восстаний, войн и кровавых поражений власть и оппозиция начали мирный диалог. Для людей из ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) это стало крушением всех прежних догматов: диктатуры Москвы и руководящей роли коммунистической партии, монополии как способа ведения хозяйства и монолога как способа ведения политической дискуссии. Для людей «Солидарности», представителей демократической оппозиции это был риск серьезно скомпрометировать себя как морально, так и политически. (...) «Круглый стол» — это большой успех поляков, подкрепленный авторитетом католической Церкви. Это тот самый исторический переломный момент, когда началась грандиозная трансформация Польши — от страны-сателлита к независимому государству, от дефицитной экономики к экономике рыночной, от диктатуры к демократии», — Адам Михник. («Газета wyborcza», 6 февр.)

• «В этом году мы будем отмечать четверть века со времен трансформации 1989 года. Конечно, произошло много ужасного и шокирующего, в политической жизни случалось и поведение откровенно хамское. Но итоги всё равно весьма положительные. За 25 лет не было попыток государственного переворота, ни один полковник не размахивал в Сейме винтовкой. Не появилось популистских группировок, призывающих к насильственным акциям против «чужих», к примеру, цыган», — Адам Замоиский. («Ньюсуик-Польша», 27 янв. — 2 февр.)

• «В современной Европе существует три уровня политической власти: Евросоюз, национальные государства и территориальное самоуправление. В разных странах роль самоуправления очень разная, и разрыв тут очень велик — от федеративной Германии до стран с сильной централизацией, таких, как Франция. Польша находится где-то посередине, а роль местных властей здесь часто не конца понятна. (...) В современной культуре локальность ценится всё выше, то же самое происходит в Польше. Кроме того, эта самая локальность сегодня сознательно поддерживается и финансируется Евросоюзом. (...) Национальное государство как явление

наверняка продержится еще несколько десятилетий, но оно потихоньку утрачивает свои основные атрибуты. (...) Национальной валюте постепенно приходит конец, разработки по созданию общеевропейских почтовых марок продвинулись довольно далеко, а как обстоят дела с вооруженными силами — всем известно», — профессор Мартин Круль. («Дзенник — Газета правна», 28 янв.)

- «Опыт народов, не имевших своей государственности, роль которой выполняли различные формы самоуправления, указывает, что национальные государства нужно всячески ценить, а не стремиться к их ликвидации», — проф. Мариан Гузек. («Дзенник — Газета правна», 5 февр.)

- «Силезцы организуются. (...) 13 января они постановили, что будут вместе бороться за внесение изменений в закон о национальных и этнических меньшинствах, чтобы там появилась формулировка «силезцы». И все это поддерживают — силезцы-немцы и силезцы-поляки, а также силезцы, считающие себя самостоятельным народом. (...) Миллион человек считает себя силезцами, хотя формально как национального меньшинства их просто нет. Какая же это демократия?», — сенатор Казимеж Куц. («Политика», 27 янв. — 2 февр.)

- «В четвертом квартале минувшего года рост ВВП может составить три процента — такие на удивление хорошие результаты прогнозируют экономисты на основе только что опубликованных данных Главного управления статистики (ГУС). Экономический рост на протяжении всего 2013 года был, однако, ниже, чем в предыдущем году и составил лишь 1,6%». («Жечпосполита», 31 янв.)

- «Официально они получают минимальную зарплату (1500 злотых “грязными”, 1111 злотых “чистыми”), остальное им выплачивают из-под полы. Такая система называется “микс”. Страховой сбор отчисляется только исходя из официально полученного минимального вознаграждения. По мнению Януша К. Ковальского и Якуба Капишевского, такая форма приема на работу с минимальным вознаграждением и дополнительной зарплатой, выданной иным способом, наиболее распространена в фирмах, где занято всего несколько человек». («Дзенник — Газета правна», 23 янв.)

- Зарплата депутата Европарламента составляет 7 956 евро ежемесячно. После отчисления налогов и страхового сбора остается 6,2 тыс. «чистыми». В перечислении на польскую валюту это свыше 26 тыс. злотых. Депутат Европарламента

получает также 304 евро суточных за каждый день пребывания на пленарной сессии, что составляет 6 тыс. злотых в неделю. 4 299 евро получает каждый депутат Европарламента по договорной ставке на депутатский офис. Это около 18 тыс. злотых. 21 209 евро составляет установленная максимальная квота, которую Европарламент может потратить на одного депутата при возмещении ему авиаперелетов и зарубежных поездок. В Польше зарплата президента составляет 17 660 злотых «грязными», премьера — 14 481 злотых, маршалов Сейма и Сената — 14 481 злотых, министров — 12 538 злотых, а депутатов и сенаторов — 9 889 злотых («Bloomberg Businessweek», 27 янв. — 4 февр.)

- «В Польше отмечается среднее по Евросоюзу неравенство доходов. (...) Разрыв в уровне доходов в Польше снизился с 2006 г. на 2,4 пункта, а в среднем по ЕС этот показатель вырос на 0,3 пункта. (...) 20% поляков, если считать «с головы» списка, зарабатывают в 4,9 раза больше, чем 20% поляков, находящихся «в хвосте», однако эта, рассчитанная Евростатом, пропорция, уменьшилась по сравнению с 2006 г., когда она составляла 5,6, средняя же по ЕС за это же время возросла с 5,0 до 5,1. (...) Поляки, живущие в бедности, составляют 28%. Это иллюстрирует так называемый «показатель материальных лишений», показывающий, сколько людей не могут себе позволить регулярно есть мясо, покупать новые телефоны, проводить отпуск за границей. (...) В Евросоюзе средний процент таких бедняков составляет 10%. С 2007 г. этот показатель для Польши, однако, снизился на 10%». (Петр Арак, «Политика», 5-11 февр.)

- «Европейский комитет по социальным правам (ECSR) в своем новом отчете разделал Польшу под орех. Пособия по безработице слишком низкие, а государство не гарантирует гражданам равного доступа к здравоохранению. “Некоторые нарушения, которые Польша допускает, не соблюдая правил Европейской социальной хартии, имеют уже свою довольно долгую историю”, — заявил Кольм О’Синнейд, главный обозреватель ECSR, на пресс-конференции в Брюсселе». («Дзенник трибуна», 31 янв.)

- «В связи со скандалом вокруг Открытых пенсионных фондов правительство ограничило свободу слова! Оно запретило этим организациям рекламировать себя. Более того, при таком подходе люди, открыто выражающие свое мнение об ОПФ, могут опасаться репрессий, ибо их слова могут быть расценены как реклама. Если мы не соберемся, не организуемся, то политики всё решат за нас. И сделают это в бешеной спешке и

приказном порядке, как они привыкли. (...) Никаких серьезных разногласий между Гражданской платформой (ГП), Правом и справедливостью (ПиС), Крестьянской партией ПСЛ и Союзом демократических левых сил по вопросу ОПФ не было. Все ведущие польские политические партии в один голос утверждали, что ОПФ — это зло, что это капиталистическая организация, и соревновались между собой в обличительной риторике», — фрагмент интервью с Лешеком Бальцеровичем. («Тыгодник до жечи», 20–26 янв.)

- «Меня всё больше тревожит политическая риторика, поскольку она подчинена исключительно политическому расчету. (...) Мы ждем, когда всё рухнет. Мы живем вчерашним днем и думаем лишь о том, чтобы заткнуть рот оппозиции вместо того, чтобы решать сложные насущные проблемы», — профессор Ежи Хауснер, бывший министр экономики и труда, автор плана реорганизации публичных финансов (т.н. «план Хауснера»). («Жечпосполита», 28 янв.)

- «Правительство конфискует сбережения. Сегодня каждый из 16 откладывающих на пенсию в ОПФ теряет половину денег. Свыше ста пятидесяти миллиардов злотых наших сбережений, депонированных и обслуживаемых через государственную пенсионную систему, будут преступным образом разграблены самим государством. Сегодня в два часа дня окажутся погашены казначейские облигации, в которые инвестированы сбережения будущих пенсионеров. Тем самым будет разорвана договоренность, которую граждане когда-то заключили с собственным государством. По сути, мы имеем дело с нарушением общественного договора. За 14 лет нам удалось внести в ОПФ почти 200 млрд. злотых. Эти деньги вкладывались в экономику, став важным стимулом экономического успеха Польши. Рынок отплатил с лихвой, благодаря чему суммы в ОПФ увеличились втрое, достигнув 300 млрд. злотых. (...) В среднем завтра со счета каждого участника пенсионной системы исчезнет 18 273 злотых. (...) Власти постановили демонтировать всю систему и изъять из нее половину собранных денег. (...) Поводом для этих отчаянных действий государства стало скверное состояние публичных финансов. (...) Сегодняшняя операция погашения облигаций, принадлежащих пенсионерам — это самое печальное событие в 25-летней истории свободной Польши». (Матеуш Павляк, «Жечпосполита», 3 февр.)

- «153 млрд. злотых сменили хозяина. 51,5% активов ОПФ попали на счета Управления социального страхования (УСС). (...) Министр финансов Матеуш Щурек теперь отвечает за долг,

который меньше 9% ВВП». («Дзенник — Газета правна», 4 февр.)

• «Президент даже не попытался спасти наши деньги. У нас украли 150 млрд. злотых. Вчера правительство забрало 150 млрд. злотых с наших пенсионных счетов в ОПФ. Множество людей обращаются в суд, утверждая, что государство их обокрало. Даже президент подвел их — оказалось, что в его обращении в Конституционный трибунал не было просьбы о проверке самого важного вопроса — чьей собственностью являются взносы в ОПФ и не противоречит ли конституции их перечисление в УСС». («Газета польска цодзенне», 4 февр.)

• «Машины частной компании въезжают под покровом ночи на 200 гектаров государственных земель. Там они пахут, сеют. Компания обращается к ЕС с просьбой о дотациях в размере 200 тыс. злотых и получает их, зарабатывая также на продаже урожая. (...) На всем Поморье такие практики охватывают территорию общей площадью свыше 1,5 тыс. га. В Варминско-Мазурском и Подлясском воеводствах таких земель — свыше 2 тыс. га., а по всей стране — в десять раз больше. (...) Так поступают и простые фермеры, и целые организованные группы. Вторая категория обычно действует с размахом. (...) Брюссель не интересуется, чья это земля, значение имеет лишь то, кто ее обрабатывает. Дотации положены тем, в чьем пользовании находится земля по состоянию на 31 мая каждого года. (...) Сильвестр К., 32-летний фермер с Западного Поморья, занимает поля не ночью, а по выходным. (...) Механизм такого «вымогательства» работает еще со времен вступления Польши в ЕС. Деревня начала получать территориальные дотации. (...) В настоящее время их сумма составляет 969 злотых за каждый гектар возделанного поля. За проведение экологических работ можно получить даже 3 тыс. злотых за гектар. (...) Нормы Евросоюза не касаются вопросов собственности на землю — европейских чиновников интересует лишь то, кто обрабатывает эту землю. (...) Арендной платы государство не получает». (Кшиштоф Катка, «Газета wyborcza», 5 февр.)

• «В Польше огромный рынок торговли одеждой, бывшей в употреблении. Фирм, которые работают легально, немного. Принцип прост. Одежда б/у покупается нелегально в Польше или за границей. Официальных следов сделки искать тщетно. Затем одежда сортируется и загружается в контейнеры, которые на кораблях отправляются в Африку и Азию. Обороты компаний, которые нелегально торгуют «секонд-хэндом», составляют сотни миллионов злотых ежегодно». (Иоанна Апельская, «Впрост», 3—9 февр.)

- «Польша переместилась с 57-ой на 50-ю позицию престижного рейтинга Economic Freedom, отражающего уровень экономической свободы, сообщили вчера Heritage Foundation и «Wall Street Journal». Это стало возможным благодаря тому, что вести бизнес в Польше стало сравнительно легко, равно как и получать инвестиции. (...) Тем не менее, в очередной раз упала оценка эффективности рынка труда». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 15 янв.)

- «87% поляков считает, что коррупция представляет серьезную проблему для их страны, при этом 39% считают, что проблема коррупции слишком серьезная, сообщил недавно ЦИОМ. В 2004—06 гг. так считали 95% респондентов. 85% опрошенных считает, что среди высокопоставленных госчиновников и политиков часто при назначении на ключевые посты и должности в органах власти, хозяйствующих субъектах и банках имеет место кумовство. 83% считают, что политики в своей деятельности руководствуются не какой-то высокой миссией, а корыстными денежными интересами. Очень многие также полагают, что политические партии занимаются нецелевыми растратами государственных денег (71%). ЦИОМ, 7—14 ноября 2013 года». («Газета wyborча», 4 февр.)

- «В прошлом году Государственные леса Польши получили престижную награду ЮНЕСКО за достижения в сфере охраны окружающей среды. Вручая ее, Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова, особо подчеркнула заслуги Государственных лесов Польши в проведении и популяризации рациональной лесной экономической политики, а также многообразие форм живой природы, созданных в управляемых этой структурой лесах. (...) Почти все польские масс-медиа о вручении этой награды умолчали», — к. н. Петр Лютык. («Наш дзенник», 30 янв.)

- «Использование газа в Польше составляет почти 14,5 млрд. кубометров в год. Примерно две трети (в 2013 г. — около 9 млрд кубометров) мы импортируем (в основном из России). (...) Терминал сжиженного природного газа позволит производить 5 и даже 7,5 млрд. кубометров газа ежегодно. (...) Польша потребляет 20 млн тонн нефти ежегодно, при этом 18 млн тонн нефти поставляется из России. Уровень национальной добычи не превышает миллиона тонн. (...) Польская экономика опирается в основном на уголь, который дает более половины потребляемой энергии. (...) Доля нефти в польской энергетике составляет 25%, а газа — свыше 10%. (...) Доля обновляемых источников энергии составляет в общем энергетическом

балансе всего несколько процентов, и если в будущем ей суждено увеличиться хоть бы до 10%, то альтернативные источники энергии все равно будут иметь лишь дополнительную функцию. (...) Правительственный отчет “Оптимальный энергетический баланс для Польши до 2060 г.”, составленный в ноябре 2013 г., предполагает, что польская энергетика будет зависима от угля еще сорок и более лет. При этом, несмотря на то, что запасы угля в Польше довольно велики, может оказаться, что дешевле и проще его будет завозить... из России. (...) Согласно последним данным Государственного геологического института, объем польских месторождений сланцевого газа может достигать 750 млрд кубометров. (...) Это решило бы наши энергетические проблемы на ближайшие 40—60 лет. Осталось только этот газ найти и добыть». (Мартин Ковальский, «Политика», 27 янв.— 2 февр.)

- «Свыше 35,5 млн. злотых было собрано во время финала 22-ой ежегодной акции “Большой оркестр праздничной помощи”. (...) В этом году деньги собирались на оборудование для детской спасательной медицины. Кроме того, вот уже второй раз “Большой оркестр” сыграл и для пожилых людей. (...) Более половины собранных средств будут потрачены на медицинское оборудование для новых гериатрических центров». («Жечпосполита», 14 янв.)

- «В большинстве право-консервативных СМИ появилась ложная информация о том, что фонд Ежи Овсяка перечислил нуждающимся только чуть более половины собранных средств. Информация была опровергнута Министерством труда и социальной политики, которому финансово подотчетны организаторы акции “Большой оркестр праздничной помощи”. Так вот, на непосредственную помощь нуждающимся “Большой оркестр” перечислил около 92% собранных денег. В 2012 г. административные расходы составили 8%, что было одним из лучших результатов среди подотчетных фондов и обществ». («Тыгодник повсехный», 26 янв.)

- «В Польше почти 1,4 млн детей и подростков живут в нищете, сообщило недавно Главное управление статистики. Почти полмиллиона детей недоедают, у 450 тыс. школьников нет полного комплекта учебников. (...) Из-за бедности 600 тыс. малышей не может воспользоваться стоматологической помощью. (...) В крайней нужде живут 10% семей, воспитывающих троих детей, и целых 26,6% семей, у которых четверо и более детей». («Жечпосполита», 3 февр.)

- «В прошлом году отрицательный прирост населения, то есть превышение смертности над рождаемостью, может оказаться

самым высоким за весь послевоенный период (считая с 1945 г.) и составить 16–20 тыс. человек. (...) Главное управление статистики сообщило, что в период с января по ноябрь родилось всего 343,4 тыс. детей. Год назад за это же время родилось 359 тыс. поляков. На основании данных прошлых лет и ежемесячных расчетов нетрудно подсчитать, что в прошлом году на свет пришло 370 тыс. маленьких поляков, т.е. уровень рождаемости снизился почти на 15 тыс. (...) За первые 11 месяцев 2013 г. умерло 355,2 тыс. человек. В целом же за весь прошлый год (с учетом имеющихся тенденций) умерших будет около 390 тысяч». (Бартош Матчук, «Жечпосполита», 29 янв.)

• «Если бы не эти три символические фамилии — Берута, Ярузельского и Туска, а также связанная с ними политическая деятельность, то, возможно, в Польше сегодня жило бы 60 млн. граждан. Эта цифра неслучайна, о ней говорил примас Польши, кардинал Стефан Вышинский. (...) Польша — это территория, на которой идет экономическая и идеологическая война. Война же против Польши ведется непрерывно. (...) Сегодня капитал выступает в качестве одного из главных инструментов тоталитарного насилия. (...) Сегодняшний тоталитаризм не имеет государственной “прописки”. (...) Искать врага надо там, где деньги», — проф. Анна Павельчинская, социолог, бывший участник Армии Крайовой и узник лагерей Аушвиц и Флоссенбюрг. («В сети», 7–12 янв.)

• «Польские города выбирают святых и блаженных в качестве своих небесных покровителей для того, “чтобы их святой покровитель был посредником между ними и Богом, чтобы ему можно было молиться и видеть в нем пример для подражания”, — объясняет кардинал Казимеж Ныч, митрополит Варшавы. (...) “Недавно польский консул в Казахстане спросил будущего репатрианта, кто святой покровитель Кракова. Если человек не ответит — о возвращении в Польшу ему останется только мечтать”, — рассказывает Роберт Вышинский, антрополог культуры из Варшавского университета». (Янина Бликовская, «Жечпосполита», 1–2 февр.)

• «Депутаты варшавского района Мокотув отложили голосование по вопросу размещения креста в концертном зале Дома культуры на улице Ловицкой, где они заседают. Они решили для начала обсудить эту ситуацию в депутатских комиссиях. С идеей повесить в зале крест выступили депутаты из партии «Право и справедливость». (...) Депутат Томаш Щигельняк процитировал слова Папы римского Иоанна Павла

II, призывавшего “беречь крест от Балтики до Татр”». («Газета выборча», 29 янв.)

- «Каждый, кто провоцирует в СМИ негативное отношение к христианским ценностям, должен быть уволен», — пишет Анджей Яворский, председатель парламентской группы противодействия атеизации Польши. («Газета выборча», 5 февр.)

- «Иоанн Павел II перед смертью просил сжечь свои записки личного характера. Однако кардинал Станислав Дзивиш решил иначе. (...) Со дня на день в книжных магазинах появится книга “Полностью в руках Божьих. Личные записи 1962–2003”. Издательство “Знак” рекламирует книгу как “неизвестные записки Папы римского, которые должны были быть сожжены после его смерти”. Записки передал в печать кардинал Дзивиш, секретарь Папы. В католических кругах разгорелись яростные дискуссии». («Супер-экспресс», 24 янв.)

- «Мошенники, выдававшие себя за священников, орудовали в Кракове, Закопане, Скерневице и других городах. (...) Во многих приходах можно было видеть мужчину в сутане, никому не приходило в голову спросить у него документы, подтверждающие сан священника. Особенно это касалось местностей с большим наплывом туристов. (...) Как быть с обрядами и таинствами, совершенными мошенником? “Такая исповедь считается недействительной (...), — объясняет о. проф. Войцех Гуральский (...). Но церемонию бракосочетания повторять не нужно. Подтвердить действительность брака может епархиальный епископ”». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 1–2 февр.)

- «Верховный административный суд (ВАС) признал, что Генеральный инспектор охраны личных данных, оценивая, совершило ли лицо процедуру апостасии (отречения от веры — Пер.), не обязан руководствоваться внутренними предписаниями католической Церкви. На основании заключения ВАС Генеральный инспектор решает, действительно ли такое лицо покинуло Церковь и предписывает сделать соответствующую запись в приходской книге об апостасии. (...) Ни ВАС, ни Генеральный инспектор не имеют права вмешиваться во внутренние дела католической Церкви. (...) Проф. Кристина Павлович считает, что всю эту ситуацию можно расценивать как возврат к мрачным временам ПНР, когда государство пыталось навязать духовенству свои правила игры», — Малгожата Пубис. («Наш дзенник», 15 янв.)

- «Правовое регулирование, вытекающие из предписаний и запретов, сформулированных фундаменталистскими кругами католической Церкви, форсируется многочисленными политическими группировками. (...) Если мы не прекратим эти игры, Польша углубит свой разрыв с моделью светского государства», — Януш А. Майхерек. («Газета wyborcza», 28 янв.)
- «Мятежники, которые вот уже несколько месяцев рвут на части Центральноафриканскую республику, атаковали представительства, где служат польские миссионеры. (...) Хотя польский МИД предлагает нашим миссионерам эвакуироваться, они решительно заявляют, что не покинут тех людей, ради которых приехали. “Мы будем с ними, несмотря ни на что”, — подчеркнул о. Бенедикт Пончка. («Наш дзенник», 5 февр.)
- «“Наши миссии вот уже несколько недель на самом деле являются лагерями для беженцев. Убежище в них находят себе не только христиане, но и мусульмане”, — рассказывает о. Томаш Грабец, координатор миссии Ордена капуцинов. Польские миссионеры в Богранде и Нгаунде на границе с Чадом и Камеруном заботятся о сотне незрячих, опекают эпилептиков, ежедневно готовят еду для сотни сирот». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 7 февр.)
- «К десяти месяцам тюрьмы с реальным отбыванием наказания приговорил вчера вроцлавский суд Радослава М., который в июле 2013 г. оскорбил чернокожего гражданина Камеруна, а также угрожал ему причинением вреда жизни и здоровью». («Газета wyborcza», 6 февр.)
- «В понедельник отмечались 69-я годовщина освобождения самого большого немецкого концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау, а также День памяти жертв Холокоста. (...) В Освенцим приехало около двадцати бывших узников лагеря. Их сопровождала делегация депутатов Кнессета, польские и другие европейские парламентарии — всего около 60 человек». (Янина Биликовская, «Жечпосполита», 28 янв.)
- «Психологи из Центра изучения предубеждений исследовали три разновидности антисемитизма: (...) традиционный антисемитизм, имеющий религиозную подоплеку, конспирологический антисемитизм, основанный на убеждении, что существует некий “еврейский заговор”, и вторичный антисемитизм, обвиняющий евреев в том, что они используют в своих целях трагедию Второй мировой войны. (...) Традиционный антисемитизм: “Имели ли место в прошлом похищения христианских детей евреями?” 23% опрошенных

ответило “Да” или “Скорее всего, да”. (...) На вопрос “Несут ли современные евреи ответственность за смерть Иисуса Христа?” положительно ответили 22% опрошенных. (...)

Конспирологический антисемитизм: в существовании “еврейского заговора” убеждено 63% опрошенных, 67% заявило, что евреи пытаются расширить свое влияние на ход мировой истории, 44% уверены, что “евреи управляют миром”, а половина опрошенных заявила, что евреи “достигают своих коллективных целей благодаря существованию тайных обществ”. (...) Вторичный антисемитизм: две трети опрошенных полагают, что евреи хотят получить от поляков возмещение ущерба за то, в чем на самом деле виноваты немцы. Около 40% респондентов уверены, что евреи играют на польском чувстве вины. 44% обвиняют евреев в распространении слухов о польском антисемитизме. (...) Из всего этого можно сделать грустный вывод о том, что “антисемитизм в Польше — “явление весьма устойчивое”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 18—19 янв.)

• «“Евреи не могли совершать и не совершали ритуальных убийств”, — надпись такого содержания после многолетних усилий появилась под известной картиной художника XVIII века Кароля де Прево, изображающей ритуальное убийство евреями христианского ребенка. Вызывающая дискуссии картина находится в Кафедральной базилике в Сандомире. Уже много лет Польский союз христиан и евреев выступал с инициативой разместить такую информационную табличку под антисемитской картиной». («Впрост», 20–26 янв.)

• «Жители вроцлавского района Тарногай под предводительством местных депутатов с начала прошлой недели пытаются противостоять переселению кочующих там цыган в бараки. (...) Местный совет распечатал и вывесил плакаты антицыганского содержания. (...) В субботу вечером группа молодых людей кирпичами повыбивала окна в бараках, вырвала замки из дверей. При этом они кричали: “Цыгане — вон!”. (Магдалена Козюл, «Газета wyborcza», 20 янв.)

• «Польша приняла на лечение четырех граждан Украины, пострадавших на киевском Майдане. С повреждениями глаз они поступили в варшавский госпиталь МВД. Очередной пациент прибудет в субботу». («Газета wyborcza», 8–9 февр.)

• «Пункты сбора помощи Украине появились в: Варшаве (3), Вроцлаве, Катовице, Люблине (9), Гданьске, Перемышле, Жешуве. Фонды “Открытый диалог”, “Образование для демократии”, общество “Поколение”, варшавская греко-католическая церковь отцов василиан и независимое

украинское телевидение “Громадское ТВ” проводят сбор средств. Организация “Amnesty International” собирает подписи под обращением к властям Украины. Другие акции солидарности с протестующими на Украине были организованы в Варшаве и Вроцлаве (ранее они прошли в Кракове и Гданьске — В.К.)». («Газета wyborча», 30 янв.)

• «26% опрошенных поляков высказываются за как можно более быстрое принятие Украины в ЕС, а 47% считают, что с членством Украины в ЕС спешить не стоит. 65% опрошенных считают, что Польша заинтересована в тесном сотрудничестве с Украиной. Поэтапную отмену виз для украинцев поддерживают 57% опрошенных, а принятие специальных законов, регулирующих прием на работу украинцев в Польшу — 49%. Участие польских политиков в событиях на Украине одобряет 41% респондентов, но 47% считают, что не стоило это делать. Поддержку членства Украины в ЕС выражают 83% анкетированных ЦИОМом 9–15 января». («Газета wyborча», 24 янв.)

• «Наш брат из УПА. Евгений Стахив (1918—2014). (...) Родился в Перемышле. (...) В возрасте 16 лет вступил в ОУН — Организацию украинских националистов. (...) После сентябрьских событий 1939 г. ушел в подполье, находился где-то в Днепропетровске и Крыму. На Западную Украину вернулся в конце лета 1943 г., спустя всего три недели после самых драматических эпизодов “волынской резни”. (...) На съезде ОУН в августе 1943 г. Стахив заявил, что национализм бессмыслен, и выступил против руководства организации. (...) В эмиграции участвовал в разработке демократической программы независимого украинского землячества. (...) Руководил эмигрантским Украинским главным освободительным советом и был председателем Общества украинско-еврейских связей. (...) После распада Советского Союза ездил во Львов и Киев, где встречался с ветеранами УПА. (...) Он говорил им: “Хватит сидеть в болоте лживого прошлого, посмотрите в будущее. Без сильной Польши нас не будет. Я надеюсь, что и поляки знают, что без независимой, справедливой, демократической Украины их стране тоже придется туго”. (...) Стахив умер 26 января». (Павел Смоленский, «Газета wyborча», 1–2 февр.)

• Украинцы и поляки. «Нас разделяет стойкий стереотип поляка — человека, который, хоть и похож на нас, украинцев, но в чем-то превосходит нас, по крайней мере, чувствует себя таковым. Кроме того, ему нельзя доверять, потому что он в любой момент способен нас обмануть. Есть даже народная поговорка: “Верю тебе, как ляху”. (...) Согласно польскому

стереотипу, украинец — это головорез, которого нужно остерегаться, поскольку ему свойственна бессмысленная жестокость. Ему нельзя верить, даже если он с тобой любезен, ибо стоит тебе отвернуться, как он ударит тебя топором в спину. (...) Негативные стереотипы по обе стороны границы в последнее время значительно пошатнулись. (...) Выросли симпатия и взаимопонимание. (...) Нас объединяет стремление к евроинтеграции, языковая и культурная близость», — Гжегож Мотыка. («Жечпосполита», 1-2 февр.)

• «Россияне предложили властям Пененжно, что будут выделять средства на содержание памятника советскому генералу Ивану Даниловичу Черняховскому. Город хочет избавиться от обелиска человека, известного как “палач Армии Крайовой”. Вчера в Пененжно прибыла российская делегация из Мамоново — города-побратима Пененжно. (...) Черняховский несет ответственность за разоружение и ликвидацию польских военных формирований на Виленщине, где разоружили 8 тыс. солдат Армии Крайовой, 6 тыс. из них были вывезены в Сибирь». (Адам Бялоус, «Наш дзенник», 5 февр.)

• «Я знаю, что, публикуя эту статью, я рискую быть заклеянным как предатель. (...) Но факты — упрямая вещь: изуверства, пытки, убийства и сознательное обречение на голодную смерть. (...) в Тухоле, Пулавах, Стшалкове, Барановичах, Бресте и множестве других мест были концлагеря, в которых варварски уничтожались красноармейцы. Пытки, которые там применялись, превосходили своей жестокостью зверства в Освенциме. Трудно даже приблизительно определить количество замученных узников. В зависимости от методики подсчета, оно колеблется от 18 до 100 тысяч. Но убийства остаются убийствами вне зависимости от их масштаба, и такие злодеяния необходимо осудить, даже если их совершали героические сыны польской армии. “Вы, большевики, хотели забрать у нас нашу землю, и вы ее получите. Я не имею права вас убить, но кормить вас будут так, что сами подохнете”. Такое заявление услышали военнопленные в 1920 г. из уст коменданта лагеря в Бресте», — Петр Ястшембский. («Дзенник трибуна», 24-26 янв.)

• «Наслаждение местью. Историческая социология мобилизации истребления» — так называется монография Леха М. Нияковского, выпущенная издательством «Наукове схоляр» в Варшаве в 2013 г. «Книга посвящена случаям геноцида, этническим чисткам и массовым истреблениям. Автор пытается выяснить, каким образом запускается

механизм кровавых акций массового насилия, и как на это мобилизуются человеческие и иные ресурсы. (...) Это первая работа польского автора, представляющая такой обширный социологический сравнительный анализ различных форм геноцида», — сообщает издатель.

• «Книга получила довольно язвительные комментарии. (...) И совершенно напрасно. (...) Факты изложены в ней довольно добросовестно. Дзержинский, польский шляхтич из провинции, однокашник Юзефа Пилсудского, стал, по его собственным словам, жандармом революции и воспитателем целой касты жандармов. (...) Дзержинский предстает в книге Сильвии Фролов как загадочная фигура, завораживающая своей неоднозначностью. (...) Палач, который своей жестокостью поражал даже фанатичную Розу Люксембург. Но в этой самой книге находится множество достоверных свидетельств людей, которых начальник ЧК лично вытаскивал из тюрьмы, будучи уверенным в их невиновности либо хотя бы в том, что они не представляют опасности для системы. (...) Однако человечность карателя не перевешивает тяжести его преступлений. Поэтому на обложке книги “Дзержинский. Любовь и революция” не хватает одного слова — “кровь”». (Яцек Боркович, «Жечпосполита», 1-2 февр.)

• «150 тыс. злотых моральной компенсации за незаконный арест получит майор Ольгерд С., задержанный по делу о военном преступлении в Нангар-Кхел в Афганистане». («Польска», 10-12 янв.)

• «Миссия в Афганистане обошлась государству примерно в пять миллионов злотых. Во время миссии погибло 48 поляков, 860 было ранено. В 2012 г. Министерство национальной обороны выплатило компенсации семьям погибших в ходе миссии на сумму 12 млн. злотых, в прошлом же году — около 5 млн. злотых». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 25-26 янв.)

• «Верховный суд обязал депутата Европарламента, члена партии «Право и справедливость» Рышарда Легутко, нынешнего министра образования, извиниться перед лицеистами за то, что он назвал их “обнаглевшими сопляками”, когда те поставили под сомнение уместность размещения католического креста в зданиях школ». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 23 янв.)

• «Согласно полицейской статистике, в 2013 г. была нарушена 21 тыс. судебных постановлений (из 200 тыс. вынесенных судами). (...) По мнению экспертов, это серьезная общественная проблема. К закону мы относимся очень избирательно,

соблюдая его только тогда, когда нам это выгодно. У правонарушителей появилось чувство безнаказанности, считает проф. Мацей Малолепший из Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере. (...) “Могло ли в какой-нибудь еще демократической стране появиться сообщество людей, которые бы при помощи портативной радиосвязи предупреждали бы друг друга о появлении полицейских патрулей?”, — задается риторическим вопросом профессор». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 15 янв.)

- Закон об изоляции опасных преступников после отбытия ими наказания предусматривает, что они в течение неограниченного срока после выхода из тюрьмы могут или содержаться в изоляционном центре, или находится на свободе под надзором, или же выйти на свободу без каких-либо условий. По мнению сенатора Влодзимежа Цимошевича, бывшего министра юстиции и бывшего премьера, этот закон «нарушает два фундаментальных правовых принципа, согласно которым никто не может быть дважды наказан за одно и то же преступление, а закон не имеет обратной силы. Тем самым нарушается вторая статья конституции. В основе законопроекта лежит сознательная ложь о возможности успешной терапии, указанных в документе лица, но ведь этот тезис был сразу же оспорен психиатрами. (...) Представитель правительства, который выступал в парламенте, настаивал, что речь идет именно о терапии, а не изоляции. Он прекрасно понимал, что без этого фигового листка неконституционность данного закона всем станет очевидна. Он утверждал это, будучи осведомленным о результатах заключения психиатров. (...) Если суд возьмет под козырек и примет участие в этом беспорядке, мы сделаем очередной шаг к неправовому государству». («Газета wyborcza», 5 февр.)

- «Мариуш Трынкевич, убийца четырех мальчиков, 11 февраля может покинуть место лишения свободы. Суд не согласился изолировать Трынкевича в специальном центре в Гостынине до вступления в законную силу соответствующих судебных процедур». («Газета wyborcza», 16 янв.)

- «В феврале 2013 г. полиция задержала 1 818 футбольных фанатов. Обвинения: убийства, избиения, торговля наркотиками, отмывание денег. Полиции удалось спасти имущество на сумму почти 3 млн. злотых». («Газета wyborcza», 16 янв.)

- «Согласно очередному отчету Высшей контрольной палаты, бездомные собаки и кошки, которых живодеры отлавливают за деньги муниципалитетов, по-прежнему погибают, поскольку

большинство приютов для животных это просто умиральни.
(...) Уровень эвтаназии во многих приютах достигает 50%. (...) Каждое четвертое животное в приюте умирает либо погибает насильственной смертью, при этом кошки погибают в два раза чаще собак. Необходимые условия не были обеспечены в 86 проинспектированных приютах для бездомных животных». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 16 янв.)

• «Выпущенная Силезским университетом книга Юстины Тыменецкой-Суханек «Отношение к животному как к субъекту в русской литературе. В кругу экофилософских вопросов» (Катовице, 2013) — работа исключительно новаторская, своего рода «первая ласточка». (...) В XIX веке в России начинается развиваться идея человеческого отношения к животным. (...) На начало XX приходится зарождение интереса к идеям охраны живой природы, а также идеям охраны прав животных. Русская литература второй половины XX века, хотя и описывает отношения человека с животными в пограничных ситуациях (война, изгнание, лагеря), становится в то же время носителем современных экоэтических взглядов и выразительницей критики надвигающейся экологической катастрофы», — Гжегож Червинский, кафедра филологических исследований «Восток-Запад», Белостокский университет. («Дзике жице», дек. 2013 г. — янв. 2014 г.)

• «Жители микрорайона строящегося на периферии варшавского Виланова попросили переименовать улицу Сердечниковую (от 'сердечника' — растения из семейства капустных — Пер.) в улицу Руколы. (...) На защиту родного сердечника встали депутаты партии «Право и справедливость», а более современную руку отстаивал депутат Союза демократических левых сил». (Павел Браво, «Тыгодник повшехный», 2 февр.)

• «Изменения в ранее принятых законах составляют почти 90% всех законопроектов, рассматриваемых Сеймом. В среднем каждый польский закон меняется 17 раз. Своеобразным рекордсменом стал закон о налогах физических лиц, в который было внесено свыше 250 изменений», — к.н. Веслав Стаськевич, бывший директор Бюро обучения и экспертиз Канцелярии Сейма. («Тыгодник повшехный», 27 янв.)

• «В Польше 82 зарегистрированных партии, среди которых 67 с подтвержденной политической активностью. Формуляр Главного управления статистики заполнили 56 партий, у 46 из них есть отделения на местах. Всего в польских политических партиях состоит 292 тысячи человек, свыше 100 тысяч из них

выполняют добровольную неоплачиваемую работу в партийных структурах». («Газета выборча», 31 янв.)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 29%, «Гражданская платформа» — 26%, Союз демократических левых сил — 10%, «Твое движение» («Движение Паликота») — 8%, «Конгресс новых правых» — 4%, крестьянская партия ПСЛ — 3%, «Польша вместе» (партия Ярослава Говина) — 3%, «Солидарная Польша» — 3%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос агентства «TNS Польска». («Газета выборча», 10 февр.)

• Фрагменты интервью Иоанны Лихоцкой с Ярославом Качинским: «И. Л.: Станете ли вы премьер-министром? Общественное мнение настроено довольно позитивно... Я. К.: Если Бог даст, стану. (...) У меня нет президентских амбиций». («Тыгодник Лисицкого до жечи», 3-9 февр.)

• «На одном полюсе у нас Ярослав Качинский и Антоний Мацеревич со своим тезисом, что президента Леха Качинского убили. Их политика — это политика ненависти, ведь с людьми, убившими президента Польши, не сотрудничают, их вешают. На другом — Януш Паликот, который заявляет, что «Каритас», самая крупная и заслуженная католическая благотворительная организация, собирает деньги для церковных настоятелей. Это ведь тоже явная ложь, провоцирующая ненависть части электората к католической Церкви. Наше общество очень сильно разделено», — Роман Гертых. («Газета выборча», 25-26 янв.)

• «В 2005-2007 гг. нам удалось уничтожить уникальный форум согласования стратегических интересов, каковым является Веймарский треугольник, обидеть Ангелу Меркель инсинуациями на тему ее ГДР-овского прошлого, устами Ярослава Качинского поучать руководителей Вишеградской группы, то бишь перессорить всё наше ближайшее международное окружение. Что в результате? Изоляция страны, к которой стали относиться как к пациенту, требующему повышенного внимания! Сложно проявить бóльшую политическую слепоту, особенно учитывая исторический опыт нашей страны. А ведь теперь на власть претендует всё тот же лагерь, который, ко всему прочему, провоцирует Россию откровенным бредом о смоленском покушении и называет флаг ЕС “евросоюзной половой тряпкой”», — Александр Левандовский, комиссар ЕС. («Польска», 13 янв.)

• «Политики давно пришли к выводу: чтобы выиграть выборы, нужно действовать популистскими методами и давить на негативные эмоции. Единственной целью политики является получение и удержание власти, то есть дележ должностей. Миссия под названием “решение насущных проблем” вообще не существует как таковая. Об этом довольно отчетливо говорит Туск, называя свою стратегию “политикой теплой воды в кране”. (...) Я не знаю, за кого я буду голосовать. Может быть, надо пойти на избирательные участки и вычеркнуть из бюллетеней всех? Голосование “против всех” по-прежнему считается полноценным участием в выборах. Мы постоянно жалуемся на политиков, но выбираем-то их мы сами», — Владислав Фрасынюк. («Газета wyborcza», 6 февр.)

• «Депутат Петр Шелига представил счет за пребывание в люблинском отеле, где он встречался проституткой, которая потом его шантажировала, в Канцелярию Сейма. То есть заплатили за него мы, налогоплательщики. (...) Депутата шантажировали, поскольку он не заплатил проститутке за сексуальные услуги». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 13 янв.)

• «Членство депутата Петра Шелиги в клубе “Солидарной Польши” под вопросом, пока он временно отстранен. Таков результат аферы с участием Магдалены Л., выпускницы юридического факультета Люблинского католического университета, занимающейся оказанием сексуальных услуг». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 13 янв.)

• «Депутат Петр Шелига, магистр теологии, член депутатской комиссии по вопросам общественной и семейной политики, религиозно настроенный защитник телевидения “Трвам”, консерватор. Первые шаги в политике сделал в рядах партии “Право и справедливость”, затем перешел в “Солидарную Польшу”». («Ньюсуик-Польска», 3-9 февр.)

• «9 янв. 2014 г. умер Станислав Домбровский, первый председатель Верховного суда. в 1980 г. он вступил в независимый профсоюз “Солидарность”, в 1989-91 гг. был депутатом так называемого “контрактного Сейма”. “Выдающийся цивилист, горячий патриот, добрый, справедливый и смелый человек, способный в трудное время сохранить и защитить независимость судебной власти, непререкаемый авторитет для всех польских юристов”, — так говорится в некрологе, подписанном руководством, членами и сотрудниками Национального совета правосудия». («Жечпосполита», 13 янв.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В 1974 году Юлиуш Мерошевский писал в своем эссе «Российский “польский комплекс” и пространство УЛБ» (сокращение УЛБ означает страны польско-российского — как, впрочем, и российско-польского — пограничья: Украину, Литву и Белоруссию): «Определенные расклады и модели ситуаций в истории могут повторяться. Но чаще всего история — это каталог премьер». И далее: «Мне хотелось показать, что система “мы или они”, пусть даже и опирающаяся на мощную многовековую традицию, — это, по сути дела, отравленный колодез. Мы должны стремиться к контактам и соглашению с русскими, которые готовы признать за украинцами, литовцами и белорусами полное право на самоопределение. (...) Поляки, как и русские, должны понять, что только не имперская Россия и не имперская Польша могут обрести шанс сформировать и упорядочить свои взаимоотношения. (...) За Украиной, Литвой и Белоруссией в будущем должно быть признано право на самоопределение, ибо этого требуют польско-российские государственные интересы». Открытым остается вопрос, является ли это также российско-польскими государственными интересами.

Одно не подлежит сомнению: то, что происходит последние несколько месяцев в Киеве и других украинских городах, может, как минимум, на добрый десяток лет определить систему отношений во всем этом регионе Европы. Может — но не обязательно, поскольку все зависит от дальнейшего хода событий, в которые сейчас, когда я пишу этот текст, вовлекаются все более многочисленные политические силы не только на нашем континенте, но и во всем мире. Украина — одна из самых болевых точек Европы. Одновременно можно утверждать, что в этой стране постоянно — но каждый раз по-новому — проявляется то украинский «польский комплекс», то украинский «русский комплекс». Ничего удивительного, что происходящее на Майдане оказалось в фокусе внимания польской прессы.

Меня, в общем-то, не привлекают политические комментарии польских авторов. Пусть здесь и представлены самые разные мнения, но это не столь интересно, как голоса самих

украинцев. Поэтому я и обратился к только что опубликованному интервью двух украинских интеллектуалок. Первая из них — писательница Оксана Забужко, автор пользующихся успехом романов (в частности, недавно изданного «Музея брошенных секретов»), одновременно она является героиней написанной в форме беседы книги Изабеллы Хруслинской «Украинский палимпсест» (книга, изданная в прошлом году по-польски, станет увлекательнейшим чтением для всех интересующихся Украиной). Писательница дала также интервью вроцлавскому журналу «Одра», которое было опубликовано в № 2 за 2014 год под заголовком «Забужкинское мнение». Интервью, что интересно, касается, прежде всего, литературы. В нем содержится попытка осмыслить новое отношение к истории, которое открывается с точки зрения женщины: «Проза женского голоса, звучащего напрямую, “от первого лица” — это явление в истории европейской культуры сравнительно свежее, а на наших восточноевропейских землях и вовсе молодое — каких-то четыре, пять поколений. Рассмотреть за определением “женский язык” универсальность опыта не только женщины, но человека, каковым является женщина, познать “себя в Другом” (в Другой!) — это знак мужской зрелости, которой трудно достичь только личным опытом, без помощи культуры. И в том, что мужчины (...) начинают понимать женщин (...), — уж поверьте мне, в том заслуга огромного массива литературы, написанной женщинами, который сыграл, пожалуй, более важную роль, чем весь трагический опыт истории XX века. Никто и не заметил бы, без слова о женщинах самих женщин, что им удалось этот век пережить. Как “не заметили” (затоптали, словно искру, упавшую в солому!) дневник Марты Хиллерс “Женщина в Берлине”, когда он впервые был издан 50-е годы. Понадобилась феминистическая революция 60-х и 70-х, открывшая перед женщинами на Западе (а после 1989 года и в Восточной Европе) двери культурного мейнстрима, потребовались десятки первоклассных, сотни и тысячи второсортных писательниц, чтобы достичь общественного консенсуса в том, что “женщина тоже человек”, и именно тогда, вплоть до 90-х годов, после войны на Балканах, сексуальное насилие, творимое армией на оккупированных территориях, первый раз в истории оказалось в поле зрения международного права... и лишь позже, уже в минувшее десятилетие, пришло время для “Женщины в Берлине”. А какой за этим тянется массив так и не обсужденного, но ужасного опыта на том самом “невидимом фронте переживаний”, который моя Дарина осознаёт, только узнав о своей беременности, — это понимают лишь женщины, и никто за нас этого не выскажет. Мы только сейчас начинаем

осознавать то, что пережило поколение наших бабушек. И если когда-нибудь, как мне пророчат польские критики, я получу Нобелевскую, я знаю, что и тогда не достигну в жизни такого успеха, которого достигла моя бабушка, оказавшаяся в возрасте тридцати восьми лет вдовой с четырьмя детьми (всех мужчин в семье расстреляли, дедушка умер в начале Голодомора). Все дети остались живы, выросли, выучились, всех она сберегла и от НКВД, и от гестапо, и от немецких облав — каким же надо было быть стратегом, тактиком, экономистом, менеджером, психологом, сколько нужно было силы воли, мудрости и любви, что достичь, в абсолютно нечеловеческих условиях, того, что сегодня нам кажется легким и само собой разумеющимся. Это просто превосходит границы воображения... Масштаб этого “тихого геройства” в истории наших, воспользуюсь словами Тимоти Снайдера, “кровавых земель” до сих пор не оценен, историки до этого еще “не дошли”. Я написала “Музей брошенных секретов” еще и как дань всем безымянным женщинам, у которых не было возможности оставить после себя даже дневник...»

После всего этого стоит обратиться к предыдущей части интервью, касающейся публикации книги в России:

«Русский перевод — это отдельная история: роман вышел из печати еще в начале лета, без объявления, без презентации — можно сказать, конспиративно, зато с замечательной припиской на страничке с указанием авторских прав: “Мнение редакции может отличаться от мнения автора” (sic!). Речь, понятно, об авторском “Послесловии”, поскольку, как ни суди, остальной текст — это “мнение” не автора, а героев... Я знаю, что в России книгу покупают, хотя в прессе не появилось ни одной рецензии — мне кажется, что издатель книгу “спрятал”, не захотел огласки».

Все дело в том, что роман Забужко — это большая панорама украинских судеб в трех поколениях, а эти судьбы переплетены, подчас весьма драматично, с российской политической практикой на территории Украины в советские времена. Здесь уже, конечно, нечто большее, чем «только литература». И отнюдь не «один феминизм», все еще трактуемый в нашем культурном пространстве как своего рода экзотика. О том, что это значительное явление, писал в 70-е годы нобелевский лауреат Октавио Пас. В его эссе «Взгляд на старый мир», после указания на исчерпанность истоков молодежных бунтов 60-х, отмечается: «Исключение составляет феминизм. Это движение возникло, однако, намного раньше и будет продолжаться еще много десятков лет. Этому процессу суждена

более долгая жизнь, и, хотя его накал в последние годы несколько ослаб, мы имеем дело с явлением, предназначение которого — продолжать свое существование и изменять историю». Феминизм сейчас играет особую роль в Восточной Европе, на что метко указала Наталья Астафьева в блистательном эссе, сопровождающем составленную ею антологию «Польские поэтессы XX века».

Во время моей поездки по сибирским городам я услышал неведомое мне раньше слово «евроремонт», а ремонт, как известно, это то, что в домашнем хозяйстве взваливается на плечи женщинам. Слово мне вспомнилось, когда я читал интервью под заголовком «Если мы начали ремонт Украины, то сделаем капитальный», которое дала «Газете выборчей» (№ 38/2014) певица Руслана Лыжичко, в 2006–2007 годах депутат от блока «Наша Украина». В беседе с Яцеком Свёндером она рассказывает: «С 24 ноября я проводила на Майдане каждую ночь, за исключением тех нескольких дней, когда была в Бельгии и Германии [в связи с конференцией, посвященной глобальной безопасности]. Случалось, что надо было провести на площади круглые сутки. Это уже привычка, стиль жизни, я уже не помню, как это быть выпавшейся. Я просила Еврокомиссию обратить внимание на грязные деньги людей, которые непосредственно совершали преступления и допустили насилие в отношении мирных демонстрантов. Эти люди на Украине при власти, но они не должны остаться безнаказанными. Поэтому мы просим ввести против них санкции. (...) Я сейчас не живу в своей квартире, потому что вокруг все время отираются титушки, за моей машиной все время следят. Я стараюсь так передвигаться по Киеву, чтобы бандиты не могли меня найти. (...) Они хотят расправиться с каждым активистом, выступающим за любую форму евроинтеграции. Я всегда подчеркиваю, что поддерживаю только мирные формы протеста. (...) Люди пропадают без вести, похищают даже раненых из больниц, родители боятся говорить об исчезновениях, потому что им угрожают, что с ними может быть то же самое. (...) Уж если мы начали ремонт Украины, то сделаем капитальный. Мы отдаем себе отчет в том, насколько важными будут следующие выборы. Их результат зависит и от того, насколько удастся объяснить людям, как должны функционировать все органы государства, как избавиться от коррупции. Нам нужны также конкретные экономические программы, которые должны быть понятны людям. Надо объяснять все самым детальным образом. Все уже понимают, что мы хотим другой страны, но прежде необходимо ее сохранить, затем усовершенствовать и укрепить. Мы много говорим на Майдане о конституции. Для меня особенно важна

5-я статья. Она звучит так: “Суверенным и единственным источником власти является народ”. Янукович не видит этой статьи, и ее действительно нет. Это противоречие содержится в самой конституции: она создана для людей, а люди не могут сейчас ничего сделать. Сейчас говорят о преобразовании Украины в федерацию, потому что кому-то очень надо разделить страну и ослабить, чтобы от нее остался только пепел. Украинцы должны объединиться, в большинстве регионов так и происходит, бунт задушен только в трех: донецком, луганском и в Крыму. Самое важное — установить и поддерживать связь между регионами. Власть старается рассорить общество, спровоцировать большой конфликт. Во-первых, между силовыми органами, называемыми правоохранительными, и простыми людьми, которых милиция жестоко избила. (...) Во-вторых, власть провоцирует распад всей страны. (...) Янукович считает, что у него достаточно много “Беркута”, чтобы силой удержать власть. Он также убежден, что имеет большинство в парламенте, пробует втянуть в конфликт армию. Когда поймет, что идет на дно вместе со своим режимом, он будет всеми силами пробовать удержаться при власти. (...) Мы говорим между собой, что если они захотят захватить всё, то всё потеряют. Нам необходимо, прежде всего, единое большое движение сопротивления режиму. Что объединяет всех людей на Украине? Коррупция! Ты знаешь, что ничего не можешь сделать, потому что все суды, все органы правопорядка, вся администрация с налоговой службой включительно — все в руках царя Януковича. Он не уйдет просто так. Не явится и не скажет: “Я отказываюсь от власти, я честный, серьезный человек”».

Это, разумеется, только один из многих голосов, которые доносятся до нас с Майдана. Есть и другие, немало и крайне правых. Но именно такое многоголосье — это цена демократии, и именно она, не только со стороны парадного фасада, может быть целью большинства тех, кто собирается в Киеве и других городах Украины. Достижима ли эта цель, покажет будущее. Пока что трудно предвидеть, с чем мы имеем дело. С событием, которое в очередной раз позволит воплотиться в жизнь старому сценарию, когда судьбы стран этого региона определяются внешними факторами? Или все же с исторической премьерой? Я бы предпочел второе. Однако на титульной полосе того же номера «Газеты выборчей», рядом с портретами двух польских золотых медалистов игр в Сочи, бросается в глаза жирный аншлаг: «Берлин вступает в игру за Украину», — сопровождаемый информацией: «Арестованные демонстранты выходят на свободу, лидеры оппозиции получают разрешение посетить в тюрьме Юлию Тимошенко и

едут на встречу с германским канцлером Ангелой Меркель». И обратите внимание, дорогие читатели, героями моего обзора оказались одни женщины. Ну, и Янукович...

О ЧЕМ МОЖНО СПРАШИВАТЬ?

Вместо того, чтобы вступать в 1939 году в безнадежную схватку с гитлеровской Германией, Польша должна была пойти на уступки и согласиться на требования Гитлера — отдать полосу земли, нужную ему для строительства экстерриториальной автострады до Гданьска. А потом — вместе с ним напасть на Советский Союз.

Такое вот альтернативное видение истории представляет историк, представитель молодого поколения правых сил, Петр Зыхович в изданной около двух лет тому назад книге «Пакт Риббентроп-Бек или Как поляки могли вместе с Третьим Рейхом победить Советский Союз».

Неумные тезисы Зыховича радикально противоречат тому, в чем убеждены поляки, воспитанные в культе борьбы с гитлеровским агрессором. В историческом сознании среднего гражданина сопротивление немецкой экспансии и неприятие какого бы то ни было коллаборационизма — это неоспоримые аксиомы. Типичный поляк гордится тем, что его народ не породил своего Квислинга, Петена или Тисо, и от начала до конца стоял на светлой стороне силы в борьбе со злом. Эта гордость — часть фундамента, на котором возведено здание национальной идентичности.

Петр Зыхович решил взорвать этот фундамент. Тезисы молодого правого историка наивны, инфантильны и неверны. Дело, однако, не в том, прав ли их автор, а в том, можно ли вообще задавать такие вопросы?

Зыховичу явно пришлась по вкусу роль *enfant terrible* польской исторической публицистики, так как через год после выхода этой книги он опубликовал еще одну, в которой решил разобраться с мифом Варшавского восстания 1944 года. «Безумие '44, или Как поляки сделали Сталину подарок, подняв Варшавское восстание» — так называется этот труд.

На сей раз автор противостоит не только стереотипам, повелевающим рассматривать Варшавское восстание как один из священных порывов, которые составляют становой хребет польской истории. Зыхович бросил перчатку и собственному политическому окружению, поместившему в прошедшем

десятилетия эмблему Варшавского восстания на свои знамена и сделавшему его оружием в политической борьбе.

Созданный в 2004 г. правым столичным мэром Лехом Качинским — впоследствии президентом Польши, тем самым, что погиб в авиакатастрофе под Смоленском — музей Варшавского восстания стал одним из символов правой исторической политики и ясным знаком идейной идентичности.

А теперь Зыхович, принадлежащий все-таки к тому же самому политическому лагерю, пишет, что это «безумие» и «подарок Сталину».

Так же как в случае с предыдущей книгой Зыховича, тезис — мягко говоря — инфантильный и неумный. Дело, однако, не в том, прав ли Зыхович, а в том, можно ли задавать такие вопросы?

Мнения и тезисы, ставящие под сомнение национальные святыни и ревизующие общепринятое представление о мире, вызывают гневное сопротивление и эмоциональную реакцию аудитории. Появляется искушение перекричать, а может быть, даже принудить к молчанию того, кто говорит такие вещи. Если мы поддадимся этому искушению, то может случиться, что мы заставим замолчать и тех, кто, плывя против течения и ставя под вопрос сложившиеся убеждения, могли бы сказать нам что-то важное.

За несколько лет до странных и неумных книг Зыховича общественное мнение потрясла книга Яна Гросса «Соседи», в которой автор обвинил польских жителей городка Едвабное в убийстве еврейских сограждан в 1941 году (Гросс привел цифру 1600 жертв, позже следствие показало, что жертвами массового убийства пали не менее 340 человек).

Откровения Гросса поначалу были восприняты с сопротивлением и недоверием. Как это? У нас, поляков, которые помогали евреям и прятали их от охотившихся за ними нацистов, должно быть на совести такое? Да к тому же за полвека дело не вышло на явь, и никто об этом не знал? Невозможно. Знаменитейшие публицисты и комментаторы с недоверием качали головами. Многие были просто возмущены.

А потом оказалось, что это все-таки правда. В Едвабном поставили монумент в память жертв массового убийства, при его открытии высшие представители польского государства говорили о покаянии и просили прощения за грехи предков.

Вскоре после этого Гросс выпустил «Страх», еще одну книгу о польском антисемитизме, в которой обвинил поляков в том, что уже после войны они преследовали евреев, сумевших спастись от Катастрофы.

Книги Гросса потрясли многих читателей, но при этом перепахали польское сознание и изменили облик поляков в их собственных глазах. В зеркале, которое Гросс поставил перед ними, они увидели образ, отличавшийся от их прежних представлений.

Что из этого следует?

То, что имеет смысл быть терпимыми к тем, кто плывет против течения, ставя под сомнение национальные мифы и аксиомы. К тем, кто сомневается в избитых истинах и оскверняет святыни. Имеет смысл их терпеть, даже если многие из них несут чушь. Ведь среди десятков бредящих Зыховичей может оказаться один Гросс. И не хотелось бы его прозевать.

Все это пришло мне в голову, когда я услышал о скандале вокруг московского телеканала «Дождь», который обвинили в осквернении святынь и оскорблении героев Ленинграда. А все из-за того, что редакция спросила телезрителей: не лучше ли было сдать Ленинград немцам, чем обрекать два миллиона человек на голодную смерть во время блокады?

Не знаю, что ответили телезритители, но это и неважно. Дело не в ответе, а в том, можно ли ставить такие вопросы?

СТАЛИН В ПОДВАЛЕ

У Майи Цкнетели^[1] перехватило дыхание. Неожиданная сводка Информбюро потрясла ее. Сводка и впрямь звучала жутко. У диктора Левитана даже дрогнул голос, впервые с начала Великой Отечественной (во всяком случае, так показалось Майе):

— Милитаристская Япония вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз! Враг использовал фактор неожиданности и после упорных, кровавых боев захватил следующие порты и населенные пункты: Владивосток, Находка, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Уссурийск и по транссибирской магистрали прорвался к Новосибирску! Красная Армия проявляет беспримерное мужество и до последней капли крови защищает каждый клочок родной земли! Недалек тот час, когда мы разобьем наголову бешенную Квантунскую армию!

Майя прикусила губу. Проклятая, коварная милитаристская Япония! Любимой родине нанесла удар в спину в самую тяжелую, судьбоносную минуту, напала именно тогда, когда орды фашистских захватчиков рвутся к Москве! Так значит, сибирские дивизии не смогут защитить сердце родины?! Не смогут защитить дорогого товарища Сталина?!

Комсомолка Майя Цкнетели и в учебе была передовой, и в военной и физической подготовке была одной из лучших, и самообразованием занималась, и бескорыстно помогала товарищам — каждую пятницу в комячейке делала доклад о мирной политике Советского Союза и международном положении. Особенно подчеркивала мудрую национальную политику великого вождя, кормчего всего прогрессивного человечества, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Товарищ Цкнетели слишком хорошо разбиралась в международном положении и в обстановке на фронте, чтобы не понимать, чем грозит открытие второго фронта на Дальнем Востоке.

У Майи на глаза навернулись слезы. Но нет, не время сейчас плакать! Она должна попасть на фронт! Сейчас же! Сию минуту!

Пока Майя переодевалась в единственное ситцевое платье, хромая корова, кормилица семьи, так жалобно замычала, что у девушки дрогнуло сердце, она забежала в хлев, повязала передник (единственное выходное платье требовало бережного обращения), подоила корову, поднесла стакан теплого молока старой, не встававшей с постели матери и решительным шагом направилась в военный комиссариат.

Сегодня же она должна записаться в Красную Армию! Чего бы ей это не стоило! Пусть ее возьмут хотя бы санитаркой! Но лучше всего, если ей доверят работу снайпера! И почему бы им не доверить? Разве она не лучше всех сдала нормы ГТО в своем классе? Разве в стрельбе из мелкокалиберной винтовки лежа не она попала в «десятку» в девяти случаях из десяти?

О, с какой радостью и удовольствием будет она бить врага, будь то немец, японец или испанец из «Голубой дивизии»! (Ей как-то приснилось, что верхом на коне она схлестнулась с молодым испанским фашистом и билась на саблях. Ну, и вонзила клинок прямо в сердце врага, повергла его на землю... Умиравший испанец прошептал: «Нэна»^[2]... Майя почему-то склонилась над ним и поцеловала в лоб).

Перед комиссариатом стояла очередь односельчан. Оказалось, что пришли все, стар и млад — перед Майей стоял Дед-культя, одноногий инвалид первой империалистической.

Но все оказалось напрасным, Майю не взяли — сказали, сперва закончи десятилетку, а там видно будет. Хотя, пока ты закончишь школу, война успеет завершиться, усмехнулся военный комиссар, дядя Бухути, которого Майя хорошо знала. Прошлым летом, во время каникул, он был начальником военного лагеря, где Майя постигала искусство метания гранаты.

Товарищ Бухути вставал за ее спиной, брал ее за локоть и учил, как надо размахнуться, чтобы граната улетела как можно дальше и разнесла коварного врага в клочья, превратила в кровавое месиво.

Поначалу Майе постижение этого искусства давалось с трудом, хотя она и была более ловкой, чем большинство мальчиков-односельчан, поэтому товарищ Бухути был вынужден провести несколько дополнительных занятий лично для нее.

Но ничего не помогло: ни знакомство, ни просьбы и уговоры. Майю отправили домой.

Выйдя из комиссариата, Майя увидела, что толпа односельчан сгрудилась под репродуктором на площади, перед зданием сельсовета. Стояла гробовая тишина. Майя подошла к Деду-культе и шепотом спросила:

— Что случилось?

— Такое случилось, дочка, — горько выдохнул старик, — хуже ничего не могло случиться, погибает... Москва пала!

У Майи подкосились ноги, как будто ей разом перерезали сухожилия и она наверняка упала бы, если бы в последний миг ее не подхватил товарищ Бухути. Оказывается, он уже знал эту ужасную весть и вышел к народу поговорить.

— А Сталин?! Где Сталин?! — вскрикнула Майя.

— Товарищ Сталин в тайном и надежном месте! Оттуда он руководит борьбой советского народа!.. Сейчас все — женщины, дети, старики, все должны стать солдатами! Великий Сталин объявил всеобщую партизанскую войну! Под ногами захватчиков должна гореть земля! — обратился к народу комиссар Бухути и потом прошептал на ухо Майе: — А ты хотела идти на фронт, глупая девочка... фронт сам пришел к тебе!

...Майя не помнила, как возвратилась домой. Она была как в бреду, что бывает при очень высокой температуре. Всю дорогу домой только одна мысль вертелась у нее в голове: «Я должна спуститься в подвал».

Войдя к себе во двор, слегка удивилась, почему это она должна спуститься в подвал, разве объявлена воздушная тревога?

Майя спустилась в подвал, приоткрыла дверь не зажигая света и вдруг почувствовала — в темноте кто-то есть, кто-то родной, сильный, надежный... Она почувствовала запах крепкого табака.

Если б Майя была не комсомолкой, а простой деревенской девчонкой, то подумала бы, что ей явился призрак покойного отца. Но она была комсомолкой и знала наверняка, материя первична. Кроме материи ничего не существует — ни бога нет, ни черта, ни духа, ни призрака.

Майя прошла внутрь подвала (смелая была девушка!), чиркнула спичкой слегка трясущейся рукой, зажгла огарок свечи на полке. Когда глаза привыкли к сумеречному свету, в глубине

подвала она различила силуэт кряжистого мужчины в военном френче, галифе и сапогах.

— Подойди, — сказал мужчина, и Майя невольно рухнула на колени.

Перед ней стоял Сталин!

— Ничего не спрашивай, — продолжал Сталин, — я тут потому, что так нужно для советского народа и для нашей великой будущей победы. Понятно, товарищ Цкнетели?

Майя не смогла произнести ни звука.

— А сейчас иди, принеси мне теплого молока.

Майя вскочила, нет, не вскочила, а вспорхнула.

— Если кто-то спросит тебя, где Сталин, скажи, не знаешь, не видела, — сказал ей вдогонку Иосиф Виссарионович и присел на бочонок с квашенной капустой.

Так прошел месяц. Враг подошел к Грузии, причем, с двух сторон: немцы с запада, японцы — с востока. У Красной Армии не хватило сил сражаться на два фронта, переломилась в хребте, рассеялась, распалась и перешла к партизанской борьбе.

Вся страна оказалась в руках врага.

Картли и Кахети^[3] заняла квантунская армия, а Западную Грузию — части вермахта и СС. Тбилиси и пригороды (в том числе, село Цкнети) были объявлены свободной зоной, что на самом деле означало — эту, якобы свободную зону, совместно контролируют немецкие и японские захватчики. В селе даже встала испанская часть.

Оккупанты сформировали местную власть, вчерашний комиссар Бухути стал сельским старостой и главным полицаем.

О, как его ненавидела Майя!.. Наверняка спалила бы ему дом, ночью прокралась бы и подожгла, но у нее в подвале был Сталин. Поэтому она терпела от Бухути все — и двусмысленное подмигивание, и бесцеремонное похлопывание по заднице, но когда он предложил, иди мол, девка, к моей жене прислугой, сыты будете и ты, и твоя мать, а в подарок получишь парчовые платья и «калагаи»^[4], она не стерпела и влепила ему пощечину.

Майю арестовали. Как партизанку.

— Где Сталин?

Допрос вел немецкий майор. Рядом сидел японский майор (но все время молчал). Испанского майора не было видно. Переводил Бухути. Оказывается, он владел немецким как родным. Майя так этому удивилась, что даже на минуту позабыла все — и страх, и боль — что есть силы, прикусила язык, чтобы не проговориться ненароком. Во рту она ощутила соленый привкус — видно, кровоточил язык.

— Где Сталин? — только это и спрашивал немец. Казалось, чувствовал, Майя знает...

Допрос продолжался день и ночь, целую неделю, без перерыва. Ее не били, но есть не давали, держали на одной воде и черством хлебе (только раз Бухути тайком занес ей в камеру сладкую каду^[5]).

По прошествии недели Бухути что-то сказал на ухо немецкому майору, а потом японцу так громко, будто бранился.

«А японский-то он откуда знает?» — слегка удивилась Майя.

Совещались долго. В конце концов, видимо, пришли к согласию. Бухути встал и объявил Майе:

— Ты свободна. Ступай домой и хорошенько подумай, как жить и что делать... Что будет лучше для твой родины и для тебя лично. Подумай, а потом по своей воле приходи к нам. Мы будем ждать. Нам не к спеху. Будущему Грузии нужны такие пламенные молодые патриоты, как ты.

Майя брела по проселку, как лунатик. Односельчане как-бы не замечали ее — отводили глаза, обходили стороной.

Майя подошла к двери подвала, трясущейся рукой сняла висячий замок, чиркнула спичкой и с облегчением вздохнула — Сталин был на месте!

Сидел на табуретке и курил трубку.

Майя пала перед ним на колени, обхватила сапог. Сталин с отворачиванием освободил ногу.

— Почему тебя выпустили?

— Не знаю...

— Я знаю. Потому, что продалась.

— Нет, нет!

— Каду ведь скушала? Сладкую?

Майя не смогла произнести ни звука. Опустив голову, зарыдала.

— Сегодня када, завтра калагайя, а потом вдруг вспомнишь что, оказывается, знаешь, где Сталин... В твоём собственном подвале!

— Товарищ Сталин!

— Я для тебя уже не товарищ Сталин, бывшая комсомолка Майя... Я уж и не говорю о том, как ты прогуливалась перед казармой испанских фашистов... Будто кого-то ищет или ожидает сударыня... Нет, достаточно уже. У тебя остался один единственный шанс. Знаешь, как смыть позор? Исправить ошибку?

Майя кивнула головой. Сталин встал, подтолкнул табуретку ногой поближе к ней и подал веревку. Майя завязала петлю, встала на табурет и только тогда вспомнила, что в потолке нет крюка. Взглянула — крюк был.

— Когда это успели приделать? — слегка удивилась Майя и накинула петлю на крюк. Потолок в подвале был низкий, поэтому она стояла на табуретке слегка склонив голову.

— Ты сама вынесла себе приговор, Майя Цкнетели, молодец, — сказал Сталин, — и знай, советский народ непобедим, потому что в каждом подвале сидит Сталин!

Иосиф Виссарионович пригладил усы, усмехнулся, проговорил:

— «Коба магариа»!^[6]

И легонько пнул табурет.

2009

Перевод автора

1. Цкнети — дачный поселок в черте Тбилиси (в прошлом — село); Майя Цкнетели — историческое лицо, народная героиня, жила в XVIII веке, переодевшись в мужскую одежду, воевала против иранских захватчиков в войске царя Ираклия II, погибла во время сражения.

2. Нэна — по-мегрельски, «мама». Мингрелия — часть Грузии.
3. Картли и Кахети — части Восточной Грузии.
4. Калагайя — разноцветный шелковый платок.
5. Када — круглый пирог с начинкой.
6. «Коба магариа»! (груз.) — «Коба крутой» (Аллюзия на слоган Михаила Саакашвили «Миша магариа». Коба — партийная кличка Сталина. «Магари» по-грузински — твердый, сильный, крутой).

ИЗ КНИГИ «КЛЯЧУ ИСТОРИИ ЗАГОНИМ»

В конце 1941-го, когда я уезжал в детский дом, мне было четыре года. Из этих первых лет жизни я почти ничего не помню — одни разрозненные картинки. А вот в Лесном Курорте я сразу, вместе с другими детьми моего возраста, стал объектом воспитания нового поколения по принятым советским государством правилам.

Возможно, это звучит ужасно, но нельзя сказать, что я плохо вспоминаю детский дом. Прежде всего, нам прививали чувство русской национальной принадлежности. Таков был стандарт. А тем более во время войны. Официальное воспитание советских детей, несмотря на многонациональный характер империи, велось под знаком великорусского национализма. Советский Союз, Россия-матушка, находящаяся в смертельной опасности и героически защищающаяся Родина, все это сплавлялось в единое целое. Мы сами — будущие солдаты, будущие санитарки, будущие строители — мы были будущим, гордостью и надеждой Великой России. Спецификой этого воспитания был витавший над ним дух Коммунистического Интернационала.

Я не думаю, чтобы наши воспитательницы (а самыми маленькими, в том числе мною, занимались исключительно женщины) сознательно стремились вытравить национальные особенности из детей всех этих иностранцев, прибывших в СССР из разных концов Европы и мира. Нас, впрочем, и не надо было переделывать в маленьких русских. Мы преимущественно происходили из смешанных семей: отец — иностранный коммунист, мать — русская. Такой была первая моя любовь, Лючия Негарвилле, да и я тоже. Нам было по пять лет, когда наши мамы одновременно приехали проведать нас в Лесной Курорт. В те времена это значило, что они провели в неудобном вагоне, как минимум, неделю, поэтому умученным дорогой родителям полагался, для встречи с их чадами, двухкомнатный дачный домик с маленькой кухней (вероятно, Лесной Курорт, как следует из названия, раньше был базой отдыха). И нам достался такой домик, и во время игр на общей кухне расцвела наша любовь. Мамы говорили по-русски, мы, понятное дело, тоже. Я, пожалуй, тогда и не знал, что, кроме русского, есть на

свете какие-то другие языки. Лючетта была для меня Лушей, а я для нее Кирюшей (уменьшительное от Кирилл — так звучало мое имя с рождения до 1947 года). В 1994-м я пережил потрясение. В Риме, после моей лекции, ко мне подошла видная собою итальянка, сказала, что ее зовут Лючия Негарвилле и что мы давние знакомые. Видя, что я не могу вспомнить, она неожиданно перешла на безукоризненный русский: «Кирюша, ты меня не узнаёшь? Я — Луша»^[1]. Подо мной ноги подкосились. Моя первая любовь была дочерью одного из легендарных вождей коммунистической партии Италии.

До отъезда в детский дом я не знал не только о существовании других языков, кроме русского, но и о существовании каких-то других народов. Таким образом, я не отдавал себе отчета в том, что существует русский народ. Понятие «народ» возникает из отличия своих от других, чужих; иначе этого не уловить. А маленькому ребенку вообще трудно представить, если нет наглядного примера. Я, конечно, не мог не заметить, что «дядя Зигмунт», то есть мой отец, говорит какой-то странно, но он пользовался теми же словами, что и все. Наверняка дома говорили, что он поляк, но я этого не запомнил, потому что тогда для меня это еще ничего не значило.

Мое чувство русской идентичности выросло в Лесном Курорте из четкого противопоставления нас, то есть русских, врагам, то есть немцам. Главные ценности, которые нам прививали, и примеры, которые должны были стать нам путеводной звездой, основывались на этом противопоставлении. Высшей добродетелью был военный героизм в борьбе с врагом, вплоть до самопожертвования. Нашим героем был солдат по фамилии Матросов, который собственной грудью закрыл амбразуру немецкого bunkера, откуда стрелял пулемет. Пули пронизывали мертвое тело героя, но теряли силу и не долетали до наступающих, что позволило им захватить немецкие укрепления. Мы хотели быть как Матросов или как Зоя Космодемьянская — погибшая героиня из того же самого набора икон для малышей. Установка на героизм, культ жертвенности и пренебрежение к смерти, приобретенные в коллективистском воспитании времен войны, могут изменить окраску, поскольку может измениться (как в моем случае) ощущение национальной принадлежности, но строй эмоциональных реакций, сформировавшийся в детстве, сохраняется. Прежняя модель наполняется новым содержанием.

Немец — как символ опасности, которую необходимо уничтожить, а одновременно, по контрасту, как детерминант

нашего национального единства — был для нас, воспитанников советского детского дома, обезличенной абстракцией. Фронт был далеко. Как-то во время прогулки, осенью или весной (я помню, что на нас были пальтишки по сезону), мы все-таки встретились с врагом лицом к лицу. По проселку двигалась в уготованную Сибирь колонна пленных немцев. Их вел советский солдат, вооруженный винтовкой с ручным затвором и длинным штыком. Немцы шли очень медленно, едва волокли ноги. Ни у кого не было обуви. На ногах какие-то тряпки, перевязанные шнурками, одеты в дикие лохмотья, а на многих еще шерстяные платки с бахромой — наверное, подаренные жалостливыми деревенскими женщинами. Мальчишки из моей группы знали, что врага жалеть нельзя, это по-бабски. На немцев посыпались ругательства, следом полетели камни. Камешки, брошенные детскими руками, не могли принести особого вреда; наши воспитательницы не реагировали, конвоир лениво покрикивал прекратить, а меня словно парализовало. Я хорошо помню эту сцену и ужасное чувство нерешительности: должен ли я тоже бросаться камнями, как пристало настоящему русскому и настоящему мужчине?

Может, я вспомнил, что мама всегда говорила: нельзя бить слабых. Враги, которые предстали перед нами, не были ни сильными, ни страшными. Они достигли самого дна. Были бессильны перед конвоиром со старинным ружьем и перед группой маленьких детей. Моя пассивность, однако, проистекала не из этического выбора, не из гордого отказа участвовать в чем-то плохом. Это была нерешительность, которой я ужасно стыдился. Именно жгучий стыд позволил мне с такой точностью запомнить происшествие и содержащуюся в нем мораль.

Из этого не следует, что я избежал великорусской индоктринации, которой подвергали нас в детской доме. Напротив: я ее воспринял и носил глубоко в сердце. В 1943 году мой отец был произведен в капитаны (молниеносный рост для взводного) и организовал в Сельцах на Оке Первую дивизию Народного Войска Польского. Взял с собою маму. Хотя он и не выхлопотал для нее офицерского звания, но обмундировал и поставил на довольствие как военного корреспондента. Так что когда мама снова приехала в Лесной Курорт, она была в польском мундире и с настоящей кобурой на поясе. Я чуть не лопнул от гордости, что мама в форме и с оружием, но одновременно почувствовал унижение, что мундир чужой. Шинель была не бурой, как в Советской Армии, а зеленой; пуговицы не золотые, а тоже зеленые, вдобавок на этих пуговицах и на шапке вместо звезды — какая-то птица.

Пятиконечная звезда, красная на шапке, золотая на пуговицах, была для меня вождленным знаком моей собственной идентичности. Прямо я в этом не признался, но, когда мама спросила, хочу ли я что-то в подарок, поспешно ответил: «Я шинель хочу». — «Как у меня?» — уточнила мама. — «Нет, хочу настоящую». Мама, наверное, все поняла, потому что сшила и подарила мне перед отъездом шинель маленького красноармейца.

На следующий день на прогулке ребята из моей группы облепили меня как мухи. Каждый жаждал такого символа идентичности, каждый хотел золотую пуговицу с пятиконечной звездой. Я защищался, но уступил численному превосходству и лишился своих инсигний. Вечером, чтобы я смог застегнуться, воспитательница пришила мне позорные черные пуговицы, словно это было обычное штатское пальто. Я всю ночь плакал от унижения. И по сей день не нахожу ничего смешного в словах маршала Рыдз-Смиглого, что мы не отдадим даже пуговицы от мундира. Для меня они звучат возвышенно.

Советское воспитание в целом, а в детских домах в особенности, носило коллективистский характер. Нам внушалось безусловное превосходство общности над индивидом. Это касалось не только национальной общности, но и других групп, от пионерского отряда и дружины, от рабочего коллектива или воинской части — до Партии (единственной, с большой буквы П). В Лесном Курорте мальчики, начиная с двенадцати лет, занимались военной подготовкой (мы им страшно завидовали) и работали в производственных мастерских, где им прививались навыки коллективного труда. Физический труд вообще был предметом культа, почти как война. Мы верили, что человек существует в коллективе, а вне коллектива индивидуум вообще теряет человеческое начало. Таких слов мы, конечно, не знали, даже их не слышали, но чувствовали мы именно так. Эффективность этого воспитания обеспечивалась не только и не столько давлением, которое на нас оказывалось, но и свойственной любому человеку потребностью принадлежать к группе. В годы войны в иерархии коллективистских ценностей высшей степени достигла национальная общность.

Что мне осталось с тех лет? Немало, несмотря на то, что моя русская самоидентификация со временем уступила место польскому чувству национальной идентичности.

В начале 1944 года я вернулся из Лесного Курорта в Москву. «Дядя Зигмунт» ходил теперь в мундире капитана Войска Польского. Я должен был говорить ему «папа», но привыкал к этому очень медленно, хотя и не знал своего родного отца. Впрочем, «дядя Зиг», который стал мне отцом, редко появлялся дома. Он состоял при штабе Первой армии, ездил на фронт, а потом — в Люблин, откуда однажды вернулся в Москву в штатском костюме как первый посол Народной Польши.

Мы переехали из комнаты в «коммунальной квартире» в особняк на улице Толстого, где разместилось польское посольство. Там было много мужчин в таких же мундирах, в каких еще недавно ходили мои родители. Я уже знал, что это мундиры союзников, то есть не совсем чужие, — но все же не те, не «настоящие», то есть советские. Когда пан Адам Заушница, торговый атташе, а при случае мастер на все руки, спросил, какой бы мне хотелось орден, я не пожелал себе польского «Креста храбрых», я хотел советскую медаль «За отвагу». Пан Заушница просверлил дырку в 20-копечной монетке, сделал соответствующую петельку и прикрепил мне на грудь. Я носил эту игрушечную награду с гордостью, а об Адаме Заушнице сохранил благодарную память.

Переезд в посольство означал для меня полную перемену обстановки. Дипломатический персонал состоял, разумеется, из поляков. Они говорили по-польски. Мама уже пыталась учить меня этому языку, чужому не только для меня, но и для нее. Дети работников посольства, с которыми я играл во дворе, говорили между собой и со мной по-русски, но польский знали и считали себя поляками. Я тут же заявил и все время повторял, что я не поляк, а русский, и упорно защищал свою детскую идентичность.

Самую болезненную рану, которую я получил в этих оборонительных боях, нанес мне старший друг по двору — сын какого-то сотрудника или сотрудницы посольства. Мы, конечно, говорили по-русски, были в хороших отношениях, но на мое очередное заявление, что я русский, он спокойно, в тоне дружеского поучения ответил: «Нет, Кирюша, ты не русский, ты еврей». Похоже, он имел в виду мою маму, урожденную Вильтер (о чем я знал), которая действительно происходила из обрусевшей семьи виленских евреев (о чем я не знал); а может, он опирался на слухи, якобы Зигмунт Модзелевский на самом деле был Юзефом Фишером, и вовсе не поляком, а евреем. Возможно, мой собеседник и не подразумевал ничего плохого; быть может, сам был сыном польского коммуниста еврейского

происхождения и давал мне понять, что я такой же, как он. Я, однако, не знал слова «еврей» — или, во всяком случае, не понимал его значения. Я только понял, что это какое-то клеймо, которое исключает меня из моей, то есть русской, общности. Отмеченный этим чужим, непонятным клеймом, я был бы выброшен из моей, то есть русской, идентичности. С чем-то таким я не мог согласиться.

Я пошел к маме и спросил, что значит это слово. Мама начала с того, что она сама еврейка, как и моя бабушка и покойный дед. Евреи — это ничего плохого, это просто национальность, как те же русские, и мне не из-за чего расстраиваться, потому что можно быть и тем, и другим, одно другого не исключает. Я попробовал принять это к сведению, но что-то у меня не сходилось. Я вообще не считал, что одна национальность ничем не хуже второй. Мне не приходило в голову, что можно быть одним и другим одновременно, например русским и поляком, а тем более русским и каким-то таинственным евреем, о котором до тех пор я вообще не слышал. Тем более мой друг по двору посольства высказался по этому вопросу определенно, без недомолвок: я не могу быть русским, раз он меня классифицировал как еврея. Это был знак исключения. Такое клеймо должно было оторвать меня от корней, которые я считал своими. Это надо было отвергнуть навсегда. Я так и сделал.

Польшу считают антисемитской страной. Но только несколько раз за мою долгую жизнь случалось, чтобы кто-то мне припомнил еврейских предков. Это шло в основном, если не исключительно, от прихвостней власти: служек гнусной пропаганды в марте 1968 г., от майора Богалья из следственного управления МВД, когда он допрашивал меня в тюрьме, от прокурора Лешека Петрасинского на суде в январе 1969 г. Был еще какой-то подосланный госбезопасностью тип на моей встрече с избирателями в мае 1989 г. Увы, придется вспомнить и Ярослава Ивашкевича, которого я предпочел бы в такой список не включать.

Все эти люди предпочитали, вообще-то, пользоваться намеками, а не говорить прямо. Майор Богаль был настолько деликатен, что говорил даже не обо мне, а о моих знакомых: «Пан Модзелевский, а вот такой, например, Александр Перский, интересная фамилия... Где эта Персия? Не на Ближнем ли Востоке?» Один лишь прокурор Петрасинский (более известный тем, что на торуньском суде над убийцами ксендза Попелушко пламенно обвинял не преступников, а их жертву) высказался определенно: «Все обвиняемые, кроме Яцека

Куроня, еврейского происхождения, что неопровержимо доказано в ходе следствия».

В таких случаях я приходил в бешенство, но не чувствовал себя обязанным принять знак исключительности — с гордостью, достоинством и всеми благами расистского инвентаря. Напротив, я понимал, что на меня навешивают ярлык. Прокурору Петрасинскому я ответил со скамьи подсудимых в последнем слове, которое вскоре опубликовала парижская «Культура» и которое довольно часто цитировали в свободной Польше. Я бы никогда в жизни не обратился с такими словами к моим еврейским друзьям, даже не знаю, как бы мог с ними на эту тему говорить, чтобы не обидеть.

Дело в том, что чаще, чем антисемитские намеки, мне доводилось слышать что-то подобное в самом сердечном и доброжелательном тоне. Иногда друзья, или близкие знакомые, или даже едва знакомые брали меня под ручку, робко заглядывали в глаза и давали понять: ты наш, милости просим в общность. Элементом, организующим общность, было, однако, то же самое, что господ Богаль и Петрасинский трактовали как фактор, исключающий из польскости.

Дорогие друзья, близкие знакомые и едва знакомые! Не сердитесь, но приглашения принять не могу. Я вас очень люблю (может, не всех одинаково), мне с вами хорошо, но я не вступлю в круг этнически посвященных. Чувство национальной принадлежности записано не в генах — оно в голове. Конечно, в социальном смысле важно не только то, кем себя человек считает, но и то, кем считают его другие. Из этого, однако, не следует, что мы должны покорно принимать предубеждения и стереотипы, по которым нас кто-то классифицирует и оценивает.

Эпилог

Я не завершаю эту книгу своим политическим завещанием. Я не решил бы его составить даже для собственного пользования. Мне кое-что известно о прошлом, но будущего я не знаю — и не верю, что жизнь идет согласно каким-то «неумолимым законам истории», достаточно постичь которые и можно осознанно конструировать наше общее будущее. Каждый читатель может сам извлечь выводы из моего политического опыта, если сочтет, что мой опыт того заслуживает. Я, впрочем, надеюсь, что меня будут читать люди, исповедующие разные взгляды на мир и различные иерархии ценностей, так что их выводы будут отличаться от моих, и у каждого будут свои.

Есть, однако, особенная категория читателей, с которыми я хотел бы перемолвиться парой слов. Это молодые люди, склонные к бунту против социальной несправедливости, которых внутренний императив подталкивает на борьбу за смену миропорядка. Я думаю, что они попробуют исправить общественное устройство свободной Польши, которое мы оставляем им в наследство, или, возможно, разрушить его путем революции, чтобы воплотить в жизнь собственные идеалы. Наверняка они осознают, что внутреннее устройство Польши неотрывно вросло в глобальное мироустройство, так что любые резкие изменения обусловлены глобально и имеют глобальные следствия. Но это их не удержит от стремления изменить мир. Я был похож на них, поэтому, думаю, могу их понять. И хотел бы кое-что объяснить.

Название этой книги почерпнуто из стихотворения Маяковского «Левый марш». Маяковский был гениальным поэтом-футуристом, который отдал свой громадный талант и харизму на службу большевицкой революции, а в 1930 г. покончил с собой выстрелом из револьвера. «Левый марш» не относится к лучшим его произведениям, но метафора «клячу истории загоним» замечательно воплощает большевицкую философию истории. Любая революция стремится взнуздать и оседлать этого зверя, да только нелегкое это родео. Кляча истории оборачивается диким, необъезженным мустангом. Можно на него вскочить и даже какое-то время удержаться, только управлять им никак не получится: в результате нас всегда занесет, куда мы не собирались и где даже не предполагали оказаться. Вот так — если предельно кратко — я интерпретирую свой собственный жизненный опыт.

Можно сказать, что я революционер во втором поколении. Мой отец был настоящим коммунистом. В межвоенной Польше вел революционную работу среди шахтеров Домбровского бассейна и Силезии, а потом среди польских шахтеров во французском департаменте Нор. Он глубоко верил в пролетарскую революцию. Столкновение с действительностью, которая этой вере противоречила, произошло в тюрьме на московской Лубянке и оказалось, во всех отношениях, болезненным. Не знаю уж, как он справлялся со своим разочарованием, когда вместе с другими строил Народную Польшу, — он никогда со мной об этом не говорил; иногда, правда, в его внешне нейтральных высказываниях мне слышался скепсис. Это была другая ситуация по сравнению с моим разочарованием или разочарованием Куроня в связи с отходом Народной Польши от идеалов равенства и братства, но и нас стереотипный вопрос, за то ли мы боролись, тоже ставил в трудное положение. Пусть к

этим трудностям заранее будет готово новое поколение революционеров. Это я могу им определенно сказать.

Я не стану ни поощрять их протесты, ни удерживать. Они отведают кнута, но это вовсе не повод сдаваться. Каждое поколение имеет неотъемлемое право огрести тумачков; это единственное из прав человека, которое никакой режим не отнимет. Я уже не буду попутчиком на их тернистой дороге, поскольку просто стар. У меня уже нет ни сил, ни здоровья для каких бы то ни было баррикад. А кроме того, я много знаю. И, в свете моих знаний, революция либо невозможна, либо обойдется слишком дорого — и все равно закончится не тем, чего бы мы хотели. Революционер не может этого знать. Незнание его окрыляет и позволяет делать невозможное, благодаря чему изменяется мир. Потом он будет разочарован или не удовлетворен переменами, к которым оказался причастен, но это уже другой вопрос.

Среди будущих революционеров, к которым я обращаю эти слова, конечно, много неверующих. Я тоже не религиозен, но на прощанье хотел бы им сказать: «Бог вам в помощь». И нам тоже.

-
1. Здесь и далее курсивом выделен текст, приведенный в оригинале по-русски (Прим. пер.).

ВСАДНИК

Кароль Модзелевский снабдил автобиографию подзаголовком «Признания потрепанного всадника». Да, речь идет о том, кто пробовал удержаться в седле «клячи истории». Как на родео: норовистое животное сбрасывает со своей спины большинство смельчаков, некоторым удается удержаться, но все без исключения выходят из этого аттракциона потрепанными. Но независимо от того, свалится ли участник или все же с животным совладеет, главное здесь — отвага попытки. Осмеливаются, вообще-то, немногие, особенно во времена, которые Ежи Стемповский определил как «историю, спущенную с цепи», творимую с нечеловеческим размахом.

В случае Модзелевского заглавная метафора несет двойной смысл: ведь герой мерялся силой не только с историей, разворачивающейся здесь и сейчас, на наших глазах, но и с прошлым как предметом своих научных изысканий. Достижение тем значительнее, что из обеих этих схваток, в которых было немало драматичных моментов, удалось выйти уцелевшим. Модзелевский — один из тех, для кого общественно-политическая вовлеченность в борьбу за изменение системы увенчалась успехом. И даже если заглавную «клячу истории» не удалось привести к намеченной цели, какой мыслилось достижение такого общественного устройства, которое обеспечило бы людям подлинную социальную справедливость и достойную жизнь (автор пишет об этом в заключительной части книги, обращаясь к тем, кто ныне примеряется к роли революционера), то все же получилось направить ее в пространство, свободное от тоталитарного гнета, что уже — безусловный успех. Одновременно с этим деятельность Модзелевского на научном поприще обеспечила ему место в пантеоне выдающихся ученых. Его последняя книга, исследование «Варварская Европа» — это труд, мимо которого не могут пройти те, кого интересуют судьбы нашего континента.

Наш герой родился в 1937 году в Москве, а в Польшу попал, вместе с матерью, девятью годами позже, усыновленный тогдашним министром иностранных дел Зигмунтом Модзелевским. Поступил в Варшавский университет, где подружился с Яцеком Куроном, с которым они вместе написали критическое по отношению к системе «Открытое письмо

партии», за что оба были в 1965 году осуждены на тюремное заключение. Освободился в 1967-м, но волей наслаждался недолго. За участие в протесте студентов и интеллектуалов в 1968 году Модзелевский был осужден еще на три с половиной года тюрьмы. На свободу вышел после смены партийного руководства в 1971 году. В заключении время даром не терял, а продолжал аспирантские занятия, начатые еще в 1962-м. В 1972 году получил работу в Институте материальной культуры Польской Академии наук во Вроцлаве. В 1975 году опубликовал книгу «Хозяйственная организация государства Пястов».

Но это не значило, что Модзелевский отказался от участия в общественной жизни. В 1976 году он пишет работу, критикующую экономическую и политическую практику команды Эдварда Герека. В 1980 году становится пресс-секретарем «Солидарности», в 1981-м, с введением военного положения, был интернирован и, наконец, освобожден по амнистии в 1984-м. Вернулся к научной работе. В 1989—1991 годах был сенатором, стал одним из организаторов парламентской группы «Солидарность труда» и партии «Уния труда». От непосредственной политической деятельности отказался в 1995-м и занялся преимущественно научной работой.

В личности Модзелевского не может не вызвать огромного уважения способность совмещать служение на благо общества, чем, собственно, и была его политическая деятельность, с последовательным развитием своего научного таланта. И неспособность отказаться от стремления изменить положение дел в пользу людей. В одном из недавних интервью Модзелевский сказал: «Для меня важно ограничить неравенство, чтобы не было целых сообществ, выброшенных за борт, маргинализированных, исключенных. Я живу в районе, где очень много бывших рабочих металлургического комбината «Варшава» или их потомков, много людей, перебивающихся случайной работой, часто полулегальной. Они не знают, что их ждет завтра. Из этой ситуации нужно искать выход. Есть такая степень неравенства, когда оно становится угрозой для свободы. Неравенство должно иметь границы, о чем заботится так называемое государство всеобщего благосостояния. Притом что государство всеобщего благосостояния рассыпается, поскольку национальное государство утрачивает инструментарий воздействия на экономику. Глобализация его затопляет». Дело, однако, в том, что эту проблему уже невозможно решить на уровне национального государства — и это как раз то направление поисков, к которым, как всегда,

призывает нас хоть и потрепанный историей, но все же не
выбитый из седла всадник.

ГОРЮЧИЕ СЛАНЦЫ ПОД ОСОБЫМ НАДЗОРОМ

Национальный оператор энергетических ископаемых (НОЭИ) позаботится о том, чтобы добыча сланцевого газа производилась со всей ответственностью и принятием во внимание локальных интересов. А у ЕС-овских противников сланцевых разработок он выбьет из рук аргумент об отсутствии надзора за добычей.

Дебаты о сланцевом газе проходят в метаниях из одной крайности в другую — от «золотой лихорадки» к трагедии очередных упущенных шансов. Эти крайние мнения касаются и того, сколько газа у нас есть, и как мы им распоряжаемся. Как же все обстоит в действительности? Запасы газа наверняка довольно значительны, но на сегодняшний день никаких оснований ни для мрачных прогнозов в стиле Кассандры, ни для восторженного энтузиазма нет, потому что мы еще слишком мало знаем о месторождениях. Если же говорить о том, каким образом следует ими распорядиться, то именно сегодня нам необходимо выполнить определенную работу — назову ее государственной работой, — поскольку отсутствие таких действий сегодня может принести ущерб завтра и послезавтра.

Если что-нибудь имеет для нас стратегическое значение, так это безусловно газ. Он — особо ценное национальное богатство, о чем свидетельствует американский пример, где развитие сланцевого сектора стимулирует экономику. Пользоваться таким газом мы будем в том числе благодаря работе и инвестициям других — тех глобальных фирм, у которых имеются технологии и средства. Наша страна заинтересована в том, чтобы они не действовали по принципу «чего хочу, того и ворочу», — лишь бы платили за добываемые ископаемые. Мы обязаны создавать им хорошие условия для инвестиций, но одновременно заботиться о собственных интересах. Речь здесь идет, с одной стороны, о доходах государства и местных сообществ, а с другой — о необходимости четко и доброкачественно распоряжаться месторождениями, иными словами, действовать без задержек и таким образом, чтобы эффективно эксплуатировать их вплоть до истощения, не причиняя окружающей среде необратимого ущерба.

Стоит присмотреться к опыту других. Можно указать много примеров, неблагоприятных для стран, где такие месторождения находились, — в этом ведь и состояла суть колониализма, жертвой которого были, например, страны Африки. Да и в последнее время опыт сотрудничества этого континента с добывающими фирмами не вселяет оптимизма: бывает, что месторождения эксплуатируются грабительским способом, а кратковременно возникающие завышенные доходы от их разработки неблагоприятно влияют на состояние государственного бюджета в длительной перспективе и порождают проблемы — как экономические, так и социальные. Вдобавок хищническое хозяйствование месторождениями означает их уничтожение и неблагоприятно воздействует на природную среду.

Поэтому государство, на территории которого располагаются месторождения, должно иметь «красную кнопку», позволяющую вмешиваться, когда возникнет угроза для общественных или экономических интересов, а также для окружающей среды. Это и есть суверенитет. Причем важно, что в правовом государстве эта красная кнопка применяется цивилизованным образом — посредством однозначных и стабильных правил и предписаний. Наши законы пока еще не отвечают требованиям новой ситуации на рынке сланцевого газа, и именно это необходимо изменить.

Национальный оператор проследит за добычей

Нет единой повсеместно действующей модели регулирующей такие ситуации.. В англосаксонской правовой системе они функционируют иначе, нежели у нас, в континентальной части Европы. Там, где владельцем месторождения является владелец земельного участка, применяются скорее налоговые механизмы. Однако даже в таких весьма либеральных системах существуют решения, предоставляющие возможности вмешательства в способ добычи тех ископаемых, которые находятся в частной собственности. Хорошим примером служит Техас, где в распоряжении администрации штата находятся инструменты (предписания, законы и эксперты) настолько эффективные, что в случае необходимости позволяют остановить добычу или изменить способ эксплуатации.

В Европе же действуют сформированные на законодательном уровне публичные субъекты, которые являются полноправными партнерами добывающих фирм в рамках договоров о сотрудничестве. Они участвуют в совместном принятии решений о политике добычи и выступают

консультантами по решениям, касающимся рационального распоряжения месторождениями. Так действуют EBN в Голландии, PETORO в Норвегии и DNSP в Дании, и именно так должно действовать ведомство, которое хотим создать мы, — Национальный оператор энергетических ископаемых (НОЭИ). Наш оператор будет, однако, обладать меньшими правами, чем его скандинавские прототипы, и не будет вмешиваться в текущий бизнес фирм, занимающихся разведкой и добычей. Ведь глобальные фирмы легко могут перебраться в государства, где им предоставят лучшие условия, а риск чрезмерного чиновничьего контроля может отбить у них охоту работать в Польше.

НОЭИ должен прежде всего обеспечить правильную эксплуатацию залежей углеводородов, в соответствии с основными принципами геологического искусства, социальной безопасности и охраны окружающей среды. Соответствующие доходы государства должны, в свою очередь, обеспечиваться налоговыми правилами.

Разрабатывая новый законопроект, благодаря которому, в частности, будет организован НОЭИ, мы попутно предложили ряд существенных поправок, облегчающих функционирование добывающих фирм. У меня сложилось впечатление, что нынешняя версия закона, учитывающая большинство замечаний бизнес-сообщества, уже не вызывает сопротивления предпринимателей.

Покажем Евросоюзу — надзор у нас есть

Существует еще одна причина, ради которой необходимо установить надзор за добычей сланцевого газа. В Европейском Союзе очень сильны круги, выступающие против его извлечения, а «сланцевая» дискуссия бывает иногда более эмоциональной, чем дебаты касающиеся ядерной энергетики. К счастью, заметно, как во многих странах подобные позиции уже меняются, что, разумеется, связано с необходимостью обеспечить дешевые и стабильные, а в первую очередь национальные, источники энергии для погрузившихся в застой экономик.

Пока именно Польша является в Европе наиболее продвинутой страной в эксплуатации газовых месторождений. Представители других стран приезжают к нам изучать опыт. Недавно я имел удовольствие принимать в качестве гостя Оуэна Патерсона, британского министра окружающей среды, который хочет развивать поиски и добычу сланцевого газа в Великобритании. Он приехал познакомиться с нашим опытом

и осматривал скважины в Поморье. Однако нет сомнений, что отсутствие соответствующих отечественных законов и предписаний значительно повышает риск того, что Европейский Союз может заблокировать добычу на наших месторождениях.

НОЭИ будет заботиться не только о разведке и добыче газа в согласии с принципами сбалансированного развития, но должен также играть существенную роль в двух других сферах. Во-первых, в проведении общественного диалога. Фирмы, занимающиеся поиском и добычей, должны вступить в диалог с местными сообществами, потому что их деятельность не может протекать за спиной общества. Примеры такого рода упущений со стороны фирм, к счастью, немногочисленны, хотя они легко попадают на первые страницы газет. Во-вторых, система регулирующих предписаний должна требовать от концессионеров ведения разведочных работ и противодействовать спекуляции концессиями. На месторождениях должно зарабатывать польское государство, а в особенности — местные сообщества. На прибыль должны рассчитывать фирмы, которые фактически занимаются поисками газа, а не посредники. Напомню, что целых 20% концессий, выданных в предшествующие годы, не предусматривают никаких бурений.

Есть смысл задуматься над тем, какие шансы открываются перед Польшей. Наши месторождения отличаются от разрабатываемых в США и Канаде; следовательно, мы не можем напрямую перенести оттуда ни тамошние технологии добычи, ни решения в области окружающей среды. Однако стоит присмотреться к их стратегическому мышлению. Американская политика энергетической независимости и дешевой энергии благодаря разработкам месторождений сланцевого газа помогает США выходить из кризиса. Кроме того, она поддерживает процесс повторной индустриализации американской экономики, иначе говоря, все более заметный процесс возвращения промышленности из Азии и Южной Америки. Про реиндустриализацию все чаще говорится в Европе и в Польше — об ее необходимости пишет, в частности, бывший министр в нескольких польских правительствах, а ныне член Совета по монетарной политике профессор Ежи Хауснер в отчете «Конкурентоспособная Польша».

Чтобы развиваться Польше, как и всей Европе, необходимы импульсы. Сланцевый газ может стать одним из них.

Мартин Королец, министр окружающей среды.

ОЧЕНЬ СИЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕНЯ ОКАЗАЛИ «ШПИЛЬКИ»...

Интервью с Виктором Борисовичем Богорадом для проекта Татьяны Косиновой «Польский миф советских диссидентов» записано 22 октября 2013 в Петербурге.

Autodidakt

— Вы рисовали с какого периода?

— С детства.

— Где-то учились?

— Нет. Я уникальный случай так называемого «self-education». Есть такой термин у искусствоведов «Autodidakt» — selbst und didaskein lehren — что-то в таком духе, когда человек сам вырабатывает правила. В школе я был освобожден от рисования, не ходил на урок рисования. Я нарисовал шарж на учителя рисования. Ему он безумно понравился. Он сказал: «Всё, я тебе ставлю «пять» баллов, можешь ко мне больше не ходить. Когда будут городские школьные выставки, ты должен приносить работы: натюрморт, бокал нарисуй или еще чего-нибудь». Я говорю: «Хорошо». И я ему приносил эти работы, на выставках они были, но рисование я не посещал. Мне завидовали в классе: я свободен был, читал.

Вторая попытка была классе в восьмом, по-моему. Я пошел на кружок рисования, не помню, при Дворце пионеров, что ли. Три занятия рисовал гипсы, рисовал очень хорошо. Меня вызвал преподаватель и сказал: «Слушай, я тебя ничему большему научить не могу». Типа, гуляй. Понятно, это скучно, спасибо.

Когда я заканчивал школу, знакомая мамы повела меня к академику Копейкину в Академию художеств показывать мои работы (у меня были работы). Мне он безумно понравился. Он сказал очень честно: «Ты можешь к нам поступить, но мы тебе поломаем руки. Ты уже сложился, и мы будем вот это все выбивать из тебя. Тебе это надо?» Я сказал: «Мне это не надо». Потому что в 16 лет я прекрасно понимал, что за то, что я хочу рисовать, мне платить не будут. А то, за что будут платить, мне

не интересно рисовать. Все! Мне хорошо давались математика, физика. Я пошел в технический вуз с чистой совестью.

— А что говорили родители?

— А ничего. Да я как-то особо не посвящал родителей. Ну, рисует и рисует, замечательно. Понятно, родители хотели, чтобы я закончил институт, чтобы я имел специальность. Что такое художник? Ну, вот в их понимании, да? Безответственность, безденежье и пьянство — всё... Закончил ЛЭТИ очень хорошо, шел третьим по распределению.

После института по распределению я работал на «Ленинце», «почтовый ящик», между прочим. Ухитрялся посылать за границу картинки от своего приятеля, самому мне нельзя было в переписке состоять: секли на почте. У меня был сумасшедший начальник бригады, он хотел мне сделать нулевую секретность, чтобы я ездил на точки, где ракеты стоят в шахтах (мы туда поставляли оборудование). «Пиши — говорит, — заявление в 1-й отдел. Мне надо кого-то послать, а ты не женат, свободен, будешь ездить». Это мне кранты на всю жизнь. Месяца два я, как мог, тянул: заявление в 1-й отдел бросал в корзинку, ему сказал, что там его потеряли; когда он сам заявление написал, я говорил, что фотографии мои не получились, он собрался мне денег на повторный снимок дать... Тут меня осенило. «Знаете, — говорю ему в коридоре, — когда 1-й отдел узнает, кто был мой дедушка, я отсюда вылету, как пробка. И вы следом вылетите, потому что нулевую секретность хотите мне дать». Он побелел и от меня отстал. Честно говоря, я не знаю, кто был мой дедушка, но это здорово меня выручило.

Потом перешел на «Русский дизель». На «Русском дизеле» было уже попроще все — не нулевая, а общезаводская секретность.

В 1985 году перешел в совершенно открытую контору ТА «Монтаж» — электрооборудование театров и домов культуры Северо-Запада. Изъездил всю Прибалтику. Летом 1989 года я приехал в Вильнюс. В проектно-институте мне надо было согласовывать сметы. Пришел человек со значком «Саюдиса» и сказал: «Мы ничего вам подписывать не будем, мы вообще не хотим иметь дело с Советским Союзом». Я говорю: «Да и не надо, господа. Я здесь в командировке. Ну, не подписывайте. Поеду сейчас к Цвирке». Андрес Цвирка — это литовский карикатурист, папа Цвирка — писатель, ему памятник стоит. «Вы Цвирку знаете?». Я говорю: «Да». — «А чего ж вы сразу не сказали?». И мне подписали все замечания, даже не глядя: пусть, мы даём добро — он Цвирку знает.

Я параллельно работал инженером до 1989 года. С 1985-го стал очень активно печататься в «Смене», в других газетах. Ну, и конечно, «Богорад» там было написано. Фамилия не из редких. На моей работе главный инженер говорил: «Да нет, а чего там Богорад? Это однофамилец, карикатуры рисует. Вы у нас человек спокойный, серьезный». Я его не разубеждал и не разочаровывал — так и должно быть.

«Инаки»

Я учился в институте и при этом рисовал. Еще не был карикатуристом, был, можно сказать, авангардистом, делал картины маслом — такой немецкий экспрессионизм. Было совершенно безбашенное отношение к жизни.

Так случилось, что мне повезло, я встретил Ковальского и Митавского. В 1973 году была выставка, на Басковом переулке. Сделали ее мы вместе с Ковальским и Митавским. Можно сказать, первая квартирная выставка в Ленинграде. Было так: «А давайте повесим работы. — Давайте. — Ну, давайте, пусть приходят, смотрят. — Пусть приходят, смотрят». Квартира была [Сергея] Ковальского. В комнате бабушки (там жила бабушка) мы втроем повесили работы. Приходили люди, звонили в дверь в определенное время, смотрели.

«Инаки» называлась наша группа, мы еще написали манифест. Манифест «Инаков» был написан для того, чтобы человек его прочел и, переполняясь гневом, чего-нибудь написал в книге отзывов. А так же ведь свое мнение не писали. Это тогда сработало очень хорошо. Смотрели, переполнялись возражениями и начинали писать. Интересно же. У манифеста был эпиграф из Флобера: «Дурак — это всякий инакомыслящий». (Сейчас смотрю, так очень забавный был манифест, просто шикарный. В этом году была выставка на Пушкинской-10, посвященная сорокалетию «Инаков».)

И был там очень смешной эпизод. Я отцу вызвал «скорую помощь». Приехали молодые ребята. У меня дома тоже висели работы. «А что? Как?». Я вижу, что понравилось, говорю: «Там выставка, можете приехать, посмотреть». — «Приедем, но во время дежурства, если проезжать мимо будем, и будет свободное время. Ничего, что в халатах?». Я говорю: «Да нет, никаких проблем». Прихожу, рассказываю Ковальскому. Ковальский говорит: «Так, сейчас Борю разыграем». Входит Боря Митавский, и мы ему говорим: «Тут был психиатр один на выставке, видел твои абстрактные работы и в такое возбуждение пришел, сказал, что это явно симптомы, тебе нельзя на свободе находиться, и он примет все меры». — «Да не

может быть — говорит Боря, — ладно вам». И в это время раздается звонок, и входят люди в халатах. Боря начинает размахивать руками и кричать, что он здоровый и не дастся живым, он проходил комиссию военкомата, и у него есть справка, что он здоров. А эти врачи стоят, ничего не понимают, что происходит. А мы с Ковальским слова сказать не можем, мы как перочинные ножики сложились и хохочем, потому что Боря вел себя как безумный. Это же не подготавливалось, а так совпало. Потом рассказали врачам, они сами тоже хохотали.

Выставка прошла замечательно: никто не капнул. Удивительно, но так получилось.

Была еще одна уникальная история. После квартирной выставки, осенью 1974 года нам предложили сделать выставку в ДК имени 10-летия Октября». К нам пришел один театральный режиссер и сказал: «У меня физкультурный зал, мы там репетиции проводим. Давайте, вы там как бы оформление репетиционного зала проведете». Нас уже было не трое, а семеро, присоединились Александр Лоцман, Кошелухов и другие. Мы повесили шестьдесят работ и там дежурили. Не было никаких объявлений, ничего. Если кто-то придет — пожалуйста. Где-то неделю так она просуществовала.

Но об этой выставкой дошли слухи: ходят люди, смотрят. Вдруг вечером мне звонит директор ДК и говорит: завтра утром приедут гэбэшники это все снимать; выставка незаконная, не прошедшая цензуру, без разрешения, что хотите, делайте, но чтобы утром не было работ.

И в одиннадцать часов вечера я вместе с Сашей Лоцманом еду туда. А в ДК «10-летия Октября» гуляет какой-то рабочий «голубой огонек» со всеми делами: и музыка, и поножовщина, и милиция — все вместе. Я понимаю, что нам не вытащить работы. «Саша, — говорю, — я не знаю, как мы все это сделаем, но попробуем, у нас ключи есть». Работы большие, есть даже полтора метра на два. Ночь, темно. Я выскакиваю на улицу. Мимо ДК «10-летия Октября» трасса идет. Голосую и останавливаю грузовик, а там солдаты. Я говорю: «Ребята, водкой рассчитываюсь, надо помочь погрузить, довезти». «А нет проблем». И мы срезали веревки, солдатики быстренько мимо милиции стали носить работы в грузовик. Раз люди в форме носят картины, значит, это кому-то надо, вопросов ни у кого не возникло. И они довезли нас и все работы до Перцовского дома (который снесли потом), там лоцманская мастерская была, подняли. Все это заняло двадцать минут, даже меньше, наверное. Безумное, уникальное везение. Я говорю: «Саш, мы с тобой 60 работ вывезли за 20 минут, может,

будем думать об Эрмитаже?» (смеется). Утром, когда туда пришли, там висели одни веревочки.

— Эти ваши выставки — квартирная и в ДК «10-летия Октября» — были собственными идеями? Вы знали о выставках, которые устраивали, к примеру, поляки? Они не в квартирах, правда, устраивали их, а где-нибудь в церквях, на улицах...

— В депо. Да, знал, конечно. Об этом обычно писали польские журналы.

«Шпильки»

Я смотрел журналы «Проект» [«Projekt»] и «Штука» [«Sztuka»], посвященные искусству. Мы получали оттуда информацию о том, что происходило в Польше, плюс о том, что происходило в мире. Они тогда достаточно много давали информации. И это было очень полезно для художников.

То, что происходило в Польше в 1970-е, и у нас отражалось в прессе, понятно, под определенным соусом. А в их журналах писали и о кино, вайдовских и других фильмах, проскальзывали и статьи о памятнике погибшим на верфи, когда была забастовка в 1970 году, и там расстреляли рабочих. Шикарный памятник. Там еще излагались все эти события, что происходили в Гданьске.

В отличие от каких-то других соцстран, у них с искусством было посвободнее. Они не считали, что искусство — это объект, который может подрывать обстановку. У нас абстракционисты или авангардисты изначально считались диссидентами. Если ты рисуешь не так, как партия предполагает, ты уже протестующий. А там к этому по-другому относились. Поэтому Польша была достаточно свободной, и оттуда шли какие-то глотки свободы, воздух такой.

В 1974 году я получил первую международную премию в Югославии и ушел в карикатуристы. Начиная с этого периода, очень сильное влияние на меня оказали «Шпильки» [«Szpilki»].

Любого карикатуриста на сегодняшний день можно спросить, и он скажет, что польская карикатура оказала колоссальное влияние на советских карикатуристов. И сильнейшее влияние на карикатуристов Советского Союза произвел журнал «Шпильки». Все получали «Шпильки», все смотрели «Шпильки», плюс издания, которые у нас продавались иногда в магазине «Книги соцстран», — все это шло на ура. Не

«Крокодил» оказывал влияние, это совсем другая карикатура, скорее пропаганда, чем карикатура. И уровень рисования у поляков был на порядок свободнее и выше. Они не были похожи на «Крокодил». Художники, которые рисовали в стиле «Крокодила», практически в «Шпильках» не появлялись. Это был современный журнал. И плюс — без слов. Философская карикатура, социально-политическая. То есть, оказывается, можно и так рисовать. Это неоценимо. Тогда это был просто поток свободы.

«Шпильки» выходили раз в неделю. На них подписывались, если удавалось. Это было безумной проблемой, точно также, как подписаться на журнал «Америка»: ведь была же подписка, но где-то там, по райкомам. А вообще я, помню, просто бегал-искал «Шпильки». Киоск стоял на углу Невского, где «Европейская» гостиница, он был напичкан международной прессой. И там «Шпильки» продавались. А иногда «Шпильки» продавались где-нибудь, я не знаю, в Павловске: приезжаешь — случайно лежат «Шпильки». За ними гонялись, охотились, Это было очень серьезно.

Люди, я имею в виду карикатуристов, их покупали постоянно. Собирали журналы, вырезали картинки, делали сборники по авторам: Гобель, Чечот, Богданович, Савка, Капуста... Некоторые польские художники потом уехали в Америку, но все равно их работы появлялись в «Шпильках». Работы были замечательные, они были без слов, философские. Тогда же возник термин «странная графика» или «проблемная графика», связанный, опять-таки с журналом «Шпильки».

Этот журнал печатал карикатуры не только польских авторов, но еще и западные карикатуры и статьи. Например, о том же Роланде Топоре, французском художнике польского происхождения. То есть это было целое такое окно в мир, с фантастической информацией, с возможностью рисовать современную карикатуру, с идеями современной карикатуры.

Хотя были другие журналы — «Дикобраз» и «Ёж» тогда продавались, и подписка на «Дикобраз» была, но это было немножко не то. «Дикобраз» — замечательный чешский журнал, он просуществовал до 1969 года. Они печатали карикатуры антивоенные, можно сказать, такие диссидентские, несмотря на то, что танки наши были уже в Праге. А потом прервалось это дело, и это подхватили «Шпильки».

У меня была мечта в 1970 годах напечататься в «Шпильках». Я даже посылал туда свои работы и получил ответ: «Спасибо,

хорошо», ну, как обычно. Где-то в 1980 годах, начале 1990-х я уже напечатался в «Шпильках». Но это уже было немножко не то, потому что «Шпильки» тоже менялись.

— Это можно назвать влиянием?

— Вы знаете, влияние происходит тогда, когда человек ищет свой путь. У меня, например, было время, когда я был без ума от Ежи Мрожа. Такой польский иллюстратор Мрож. Он делал под гравюры свои работы, очень красивые. И я очень многие вещи сделал именно под него.

Например, мне нравился Линке. Это такой польский классик. Я до сих пор горжусь: у меня есть его альбом «Камни кричат». Какие-то вещи мы доставали из магазина «Книги социалистических стран». Влияние было у каждого. Каждый карикатурист, который искал свой почерк и свой стиль, конечно, кому-то подражал. Во время становления, для того, чтобы понять: можно еще и так рисовать, можно еще и так думать, можно эти мысли выразить на бумаге, без слов. Но потом, когда он находил свой стиль, уже, естественно отходил от этого. Уже имел собственный.

Вот, благодаря «Шпилькам», где был целый спектр художников, это становление происходило, да. Они давали статьи о заграничных карикатуристах, не только польских. Там были и Топор, и Сирл, и Семпе, и Кардон. И ты видел эти работы и начинал понимать, что это вообще фантастические визуальные тексты. Даже не карикатурой это называлось. Это была работа с символами вместо букв или слов. Символ — и ты выражал свое мнение. И «Шпильки» давали примеры, что можно и так.

«Шпильки» очень сильно повлияли на прибалтийский журнал юмористический «Пикер».

— Польский вы выучили благодаря «Шпилькам»?

— Я не знаю польского языка. Я просто понимаю, в польском все понятно. И потом карикатуры не надо переводить, без слов там все понятно. Читали мы со словарем. Из карикатуристов многие приобретали русско-польские словари, у меня тоже был словарь: мне же надо прочесть что-то, и я читал. Многие даже изучили польский язык, между прочим.

«Жизнь нас делала диссидентами автоматически»

— Вы считали себя диссидентом?

— Нет. Так сложилась жизнь, что с 1980 по 1987 я выпустил пять книг в самиздате тиражом десять штук. Тогда же ходил миф, что за десять штук не сажают. Сажали за все, конечно, но не важно.

— Разве это не диссидентство — квартирная выставка, выставка в ДК «10-летия Октября», самиздатские альбомы?

— Конечно, диссидентство.

— И название «Инаки», то есть «инакомыслящие».

— Естественно. По-другому мыслили.

— Но при этом не диссиденты?

— Да нет, жизнь нас делала диссидентами автоматически — так получилось. Если ты хотел быть немножко свободнее, хотя бы во взглядах или поступках, не нарушая закон, ты уже становился диссидентом. Я всегда чувствовал себя очень свободным. Но никто из нас не объявлял себя диссидентом. Были диссиденты, был журнал «Хроника текущих событий», были правозащитники. Но они совершенно сознательно ставили себя против государства или партии. Мы не сознательно это делали. У нашего поколения (будем так, громко говорить) — Ковальский, Митавский, я — становление личности пришлось на 1960-е, оттепель. Никому не хотелось нового этого самого... И наши вопросы были такие: а почему нельзя? А что здесь такого?.. Когда ты задаешь себе эти вопросы, ты уже становишься в глазах... диссидентом.

«Несоюзная молодежь»

Карикатуристы создали в 1975 свой Ленинградский клуб карикатуристов. Там было где-то 14-15 членов, из них 12 человек стали получать международные премии, то есть очень сильный коллектив. Клуб имел статус коллектива народной самодеятельности. Где-то зарегистрироваться надо было, мы зарегистрировались на улице Рубинштейна в Доме народного творчества. Если есть самодеятельный коллектив, надо ему дать помещение, чтобы где-то собираться и иметь возможность проводить выставки карикатуры. С 1975 по 1984 годы я сдавал выставки в Главном управлении культуры, но уже карикатурные. Это отдельные истории, очень смешные. Но сдавал.

Первую выставку я сдавал вместе с Андреем Фельдтейном. (Это ленинградский карикатурист, который сейчас живет в Штатах, но там очень сложно пробиться, поэтому он — «кентавр», как я

это называю: работает в компании, иногда печатается, но не живет на карикатурах.) Клуб карикатуристов сначала существовал при студенческом городке на Новоизмайловском [проспекте], там нам дали помещение. Конец 1975-го, выставка была перед Новым годом. Мы хотели сделать выставку в магазине «Эврика», там хорошее помещение. Пришли на [улицу] Рубинштейна в Дом самодеятельности. Там сидел такой Гусаков, художник, цензор вообще-то. Мы принесли 180 работ и четыре часа объясняли ему, что значит каждая работа. Он такой был хитрый, говорил: «Вот работа. Можете объяснить ее?». И нашей задачей было простенько объяснить, что она не антисоветская. Слова «антисоветская», «не антисоветская» не произносились, все было понятно даже и без слов. Такой принцип: если кто-то скажет, что работа антисоветская, у нас есть свое объяснение. Попеременно я и Фельдштейн объясняли ему работы. «А, замечательно, пойдет». Мои работы лежали самые последние в этой пачке. За четыре часа мы уже подружились, мы уже дружбаны такие, да. Он разрешал практически все, мало, что не пропустил. Дошла очередь до моих работ. Работы были подписаны на обороте, он не знал, чьи они. Первое, что он сказал, посмотрев на мои работы: «Этот человек плохо закончит. Как его фамилия?» Я говорю: «Это я». И вот такая пауза повисла...

Дальше мы понесли работы его начальнику, помню фамилию — Титов такой. Это был уникальный человек. Мы пришли в его кабинет с пачкой работ формата А3 где-то. Если он смеялся до слез, значит, эта работа не проходила. Как только он начинал хохотать, мы понимали, все, эта работа не пройдет. Он чего-то отклонил, я не помню, сколько, где-то десять процентов. Причем это не были самые смешные работы. Это были те работы, про которые он думал: ну, как здорово они там...

На выставку карикатуры до открытия приходила комиссия от Главного управления культуры. Смотрели работы, говорили: «Вот это надо снять». Я им объяснял, что в этом нет ничего страшного и т.д. У меня был рекорд в 1982 году, когда я отстоял 417 из 424 работ первой всесоюзной выставки карикатуры, семь работ они все-таки зарубили. Эту выставку делали в зале Дворца молодежи (мы туда перебрались и там собирались рядом со студией Полунина, он там тоже был как коллектив народной самодеятельности). И вот ты шел с этими присланными людьми, они смотрели на каждую картинку: антисоветская — не антисоветская. Была огромнейшая комиссия, человек 7 — 8, начиная с Мартовой, и кончая академиком Ветрогонским. Они подходили к работе и говорили: «Объясните нам, что это такое?». Я начинал

объяснять, что это все ерунда, это не о том, что вы подумали. Подходим к работе литовского художника Шаулюса. А там толпа (по периметру она образует огромнейшую крысу), которая бежит за кошкой. Они говорят: «Это что такое?». Я говорю: «Знаете, игра с контурами. Смотрите, там, на горизонте пальмы изображены, дома и пальмы. Это не у нас». И вдруг академик Ветрогонский (есть сын, а это был папа), его прорвало, говорит: «Да нет, это у нас, это у нас на худсоветах». Что-то его здорово его обидело, чуть ли не истерика с ним случилась. Но работу пропустили.

1978 год. Мы делали выставку в ЛИИЖТе. Приходит на выставку ни больше, ни меньше как Вера Дементьева, которая в наше время КГИОПом руководила, с какой-то подругой. Тогда она работала в Главном управлении культуры цензором. 180 работ. Она говорит: «Где подписи под работами?». Я говорю: «Вы знаете, у нас все работы без слов. Ну, что мне 180 раз писать „Без слов“? Смешно». «Ну, ладно. А аннотации где?». «Какие аннотации?». «Ну, что имел в виду художник, когда рисовал эту карикатуру?». Тут меня озарило, я говорю: «Знаете что, антисоветчина сидит у вас в голове, а не в работах художников. Это ведь как у сексуального маньяка: телеграфный столб для него не телеграфный столб». Она ни слова не сказала, прошла выставку, как нож сквозь масло. Попросила заменить одну работу — «Мону Лизу» Жигодского. «Ой, Мона Лиза, не надо». Я говорю: «Я ничего не понимаю, совершенно безобидная работа». «Давайте что-нибудь другое у этого художника, только не это». Мы достали на замену работу, которую я боялся выставить, там ню такое. «А пускай хоть эта»... И я возвращаюсь домой, открываю «Литературку», а там статья о профанации «Моны Лизы», которую Дементьева, вероятно, прочла утром.

Практически всем неофициальным карикатуристам Советского Союза — а мы все были неофициальные — устраивали разносы за то, что мы получаем международные премии. «Кто вы такие?!». Да никто. Я до сих пор не состою ни в одном союзе, между прочим, ни в союзе журналистов, ни в союзе художников, хотя приглашали несколько раз — не состою. Но это принципиальная позиция. Многие карикатуристы вступили в союз художников, а я — нет. Я — не союзная молодежь. И уже давно не молодежь.

Первый мой альбом вышел в ГДР, за границей, в 1987 году. В Советском Союзе вышел мой первый альбом только в 1990 году. Отдельная история, как я читал предварительную рецензию-донос Бориса Ефимова на книжку Клуба ленинградских

карикатуристов, которая вышла все-таки в ГДР, в издательстве «Ойленшпигель», в 1988 году. Цветной альбом Клуба ленинградских карикатуристов назывался «Ни одного неисписанного листка» (Kein unbeschriebenes Blatt — Cartoons aus Leningrad, Eulenspiegel, Berlin, 1988)

«Сатирикон»

«Сатирикон» — это международный конкурс карикатуры в Легнице. Я туда попал в 1987 году. У меня была первая премия по юмору, у Михаила Златковского — первая премия по сатире. И меня чудом выпустили за границу.

Сначала в том же 1987 году по частному приглашению я съездил в ГДР (мой первый альбом «Bitte recht freundlich» — «Сделайте улыбку» или «Будьте дружелюбны» — вышел в издательстве «Eulenspiegel», это отдельная история, очень смешная и горькая, но не важно).

До этого я тоже получал в Польше и в Югославии премии, но меня не выпускали. В 1987 году я получаю приглашение, иду в ОВИР. Тогда было очень жестко: человек мог пригласить человека, организация — организацию, типа командировки. Такого, чтобы организация приглашала частного человека, у них не было прописано, и они, конечно, отказали. А мне очень хотелось поехать. И вдруг мне пришло в голову, что в городе есть Дом дружбы, в нем есть отдел советско-польской дружбы, пусть помогут. И я туда пришел и говорю: «Перестройка — перестройкой, а я сейчас напишу, что вы меня не выпускаете, и напишу, что я не по болезни не еду, а потому что вот так-то». По публикациям в «Смене» они мою фамилию знали. Во-вторых, это же галочка в их работе. Там был мужик где-то под два метра ростом, уже не помню его фамилию, он сказал: «А нет проблем». И позвонил начальнику ОВИРа: «Сейчас Богорад придет, дайте ему служебный паспорт от Дома дружбы». И я получил служебный паспорт, и поехал в Легницу (правда, никаких командировочных и денег ни копейки не поменяли).

Легница — город, в котором не было штатских русских, там находился штаб Варшавского пакта. Выхожу на вокзале. Я с длинными волосами, в штатском, говорящий по-русски. Куча военных, говорящих по-русски. Спрашиваю: где гостиница «Купрум»? Там меня ждут в штабе «Сатирикона». Они показывают и смотрят совершенно удивленно. Добрался, говорю, кто я. Меня, оказывается, должны были встретить, но они не знали, что я еду на поезде «Варшава — Берлин». С ними говорил мужик из Дома дружбы. «Ой, нам сказали, что вы маленького роста». Ну, с его точки зрения, да.

В деревушке под Легницей была база карикатуристов. Это вообще фантастика — появиться среди людей, которых ты уже знаешь по работам, но никогда не встречал, карикатуристов и критиков, которые работают в «Шпильках». Они — легендарные личности для многих из нас: были подражания, была учеба практически на этих польских художниках... Но и они меня знают по картинкам, потому что участвовал в конкурсах.

Едем смотреть барокко, их костелы, останавливаемся у каждого трактира. В «Шпильках» был такой Марек Кош, фельетонист. Когда мы выходили из автобуса, он всегда подходил ко мне, клал руку на плечо и с гордостью говорил (интонация неповторимая): «То есть Польша». При этом у него глаза не открывались, потому что была предыдущая, как они называли, «интеграция», и он не видел, на что показывает, это могла быть помойка, что угодно, не важно. Было очень смешно.

Потом мы заходили в трактир. В одном трактире, сидели какие-то трактористы. Когда, услышав русскую речь, они начали закатывать рукава, Богданович сказал: «Спокойно, панове, это не русский, это карикатурист». И это здорово повлияло, они все успокоились.

Награждение было очень помпезным действием. Одновременно в Легнице происходил всепольский фестиваль блюзов, и церемонии были как-то совмещены. Я получил «Золотой карандаш» и Златковский тоже. И к нам подошел какой-то польский художник и сказал: «Я ненавижу Россию, я вам честно скажу, учитывая историю взаимоотношений Польши и России, но я безумно хочу сесть между вами и выпить. Для меня это очень почетно». Пошли, сели, выпили.

— Советский Союз или Россию?

— А не было же никакой разницы: что Россия обижала Польшу, что Советский Союз, и наоборот.

Когда я приехал, еще сохранялись остатки военного положения: патрули полиции, патрули военные с собаками. Но уже как-то все на нет сходило. Меня все время проверяли польские полицейские, услышав мою русскую речь, тут же просили предъявить документы. Я говорю: «В чем дело?». Один полицейский так пристально на меня посмотрел: «Может, пан — дезертир». Я говорю: «С такими волосами?» «А может, пан долго ховался». Изумительно.

Выступал Анджей Горчавек, можно сказать, польский Высоцкий. Я с ним познакомился, он мне дал кассету, и у меня ее, конечно, замылили здесь.

Ночью была открыта выставка Фуглевича, карикатуриста, который умер, очень популярен был в Польше, в «Шпильках» печатался. И это происходило так: все ходили с фонариками или со свечками в совершенно темном зале, надо было подходить, освещать работу и смотреть. Это очень трогательно было. Ночью я не спал, потому что скакал с поезда на поезд, пересаживался постоянно — Познань, Вроцлав, Легница. В три часа ночи на выставке Фуглевича я говорю: «Ребята, я не могу, все, вырубаюсь, я иду спать в гостиницу, утром увидимся». «Ты дойдешь?» «Да, а чего там».

Август месяц, правда, темные ночи. Фонари горят только посередине. Никого нет, городок спит. Иду пошатывающейся походкой, потому что и устал, и выпил. Навстречу мне идет такой же походкой какой-то майор советской армии. И мы встречаемся по центру улицы. А я уже как-то потерял ориентир: гостиницы не видно, ничего не горит. Спрашиваю его, где гостиница «Купрум». Он говорит: «Вот». Я был рядом, просто деревья высокие закрывали ее. Он говорит: «Ты здесь осторожнее: тут же поляки». Я на него смотрю: «Какие поляки?». Никого нет, все спят. Продолжаю идти, оборачиваюсь — он так и стоит, остолбенев, смотрит мне в след. Думаю, я для него был таким видением: пьяный, забрел в сторону Легницы, недалеко от Германии, и даже об этом не подозреваю.

— Не чувствовали вы в Польше какого-то дискомфорта, когда уже там побывали, по отношению к себе?

— Нет, к себе — никогда. Опять-таки история: в Польше не осталось почти евреев, их практически вынудили всех уехать после событий 1968 года. У нас в газетах печаталась статья Гомулки, там все фамилии зачинателей были еврейские, и стало понятно, кто виноват в бедах польской компартии... Но как-то смешно: есть антисемитизм, а евреев нет, они уехали все. Вот также и отношение. Нормальное отношение, просто они не ассоциируют тебя с российским государством. Ты — представитель этого государства, но они тебя знают.

— То есть польский национализм никогда вас не задевал?

— Нет, я с этим, честно говоря, не сталкивался.

— Польские карикатуристы как-то борются со своим национализмом — польским?

— Да, есть очень много карикатур, посвященных шляхетской гордости. Очень смешные работы: перья, фуражка-конфедератка. В 1987 году у них в Польше была довольно сильная организация националистического плана «Грюнвальд». Как бы она там была, как наша «Память», потом она сошла на нет. Очень критическое отношение к этой организации я наблюдал.

С 1989 года я перестал посылать работы на международные конкурсы, и до сих пор не посылаю. Но если меня приглашают в жюри, я еду жюри. В 2000-м меня первый раз пригласили в жюри «Сатирикона». Было замечательно, потому что председателем был тоже легендарная личность — Анджей Краузе. Это польский карикатурист, который после военного положения эмигрировал в Англию и стал там работать карикатуристом, что очень важно. Я знал его карикатуры, но никогда не встречался с ним (в 1987 году он уже был в Англии и не приезжал на «Сатирикон»).

И в жюри я познакомился с директором польского Музея карикатуры Войтеком Хмуржиновским (у нас эта фамилия была бы «Смурной»). Потом мы с ним открыли не одну выставку. Осенью 2000 года на Невском-20, в библиотеке Блока, прошла с большим успехом выставка польских карикатуристов — эротика в карикатуре, ни больше, ни меньше. Приезжали Хмуржинский и Яцек Франковский, председатель ассоциации карикатуристов Польши в то время, остались очень довольны. Там был такой эпизод: в библиотеку Блока залезли воры, компьютер свистнули и четыре работы с выставки — вот это уникально.

Потом в 2002 году нас — группу «Нюанс» (меня, Шилова и Мельника) — пригласили сделать выставку в Музее карикатуры. В Варшаве есть замечательный музей карикатуры. У него нет постоянной экспозиции, но зато есть огромный архив, много всего хранят, делают временные выставки. Наша выставка прошла замечательно, на открытие пришли все карикатуристы, кто не эмигрировал, Богданович и так далее. Связи остаются до сих пор.

В Легнице я отсутствовал 24 года. В этом году я поехал туда. Слава богу, многие живы, просто состарились, все меня помнят, и я их помню. Замечательный город, тем более что оттуда ушел штаб Варшавского пакта. Там была выставка Олега Дергачева (он из Львова, живет сейчас в Канаде), и он же был преподавателем летней школы мультипликации для детей. Это просто фантастика: человек тридцать детей там днюют и ночуют, глаза горят, за месяц они сами делают свой

мультфильм, от сценария — до съемки. Восемь наставников — польские мультипликаторы с именами и Олег (он тоже мультипликацией занимается) — обучают детей, помогают им. Часть денег платят родители, часть — государство; огромное количество материалов и, по-моему, пять станков мультипликационных, по вечерам показывают мультипликационные фильмы. Самое сильное впечатление.

И по сегодняшний день ни с одной страной бывшего соцлагеря нет таких отношений дружеских и связей личных, как с Польшей.

ВЫСТАВКА ПОЛЬСКОЙ ГОТИКИ

Дмитрий Владимирович Философов, выдающийся публицист и эссеист, последние двадцать лет своей жизни (с 1920 по 1940 г.) провел в Польше. Здесь он вместе с Борисом Савинковым занимался антибольшевистской деятельностью, здесь издавал газеты («За свободу!», «Молва» и «Меч»), в которых напечатал сотни статей. После ухода с должности главного редактора «Меча», он основал польско-русский кружок «Домик в Коломне», который просуществовал с 1934 по 1936 год.

В скромных остатках его варшавского архива сохранилось несколько рукописей неопубликованных статей.

Предлагаемый читателям неоконченный текст о выставке польского готического искусства был, вероятно, наброском вступительной речи, которую Философов произнес во время собрания «Домика в Коломне» 11 мая 1935 года. Специальным гостем встречи был тогда историк искусства, инициатор выставки средневекового искусства Михаил Валицкий, а основной темой — именно эта выставка в Институте пропаганды искусства.

Это неполный текст, с многочисленными отступлениями, но он, безусловно, заслуживает внимания.

П.М.

I

Слово «готический» идет из Италии XV века. Гуманисты его сфабриковали, чтобы обозначить им искусство «варваров». Воспоминание о нашествии диких варваров на Италию было еще живо в памяти народной, как в России татарское нашествие. В начале XVI века Рафаэль пользовался этим термином в своих письменных докладах посвященных представителю славного рода Медичеев папе Льву X. Лев X был столь увлечен возрождением античного мира, что проглотил даже реформацию. Рафаэль же совершенно искренне считал средневековое искусство продуктом варварства и относился к нему безжалостно. Впрочем Рафаэль был безжалостен даже к искусству раннего ренессанса, даже к своим непосредственным предшественникам. Папа Николай V (1447–1455) привлек в числе других к работе в Ватикане такого замечательного

художника как Пьеро делла Франческо (1412–1492). Фрески этого художника были беспощадно уничтожены по требованию Рафаэля, когда папа Лев X поручил ему руководство над декорированием Ватикана...

Так и установилось за одной из самых блестящих эпох европейского искусства — пренебрежительное обозначение.

Во Франции последний удар средневековому искусству был нанесен Франциском I. В университете повеяло новым духом.

II

О, вы, напоминающие о Господе!

не умолкайте!

Исая 62,6

Может быть, сила и магия готического искусства в том и состоит, что оно во всех своих проявлениях, не умолкая, напоминало о Господе.

В эпоху рассвета готики, в эпоху создания ее наиболее прекрасных храмов, искусство было едино. Зодчество было тесно связано с ваянием и живописью. Все три отрасли были объединены, служили одному и тому же Богу, славили его совместно, подчинялись в одинаковой степени той же идее.

Можно сказать, XIII век был наиболее ярким и полным выражением этого единства. К этому времени были уже воздвигнуты Собор Божьей Матери в Париже, соборы в Шартр, Амен, Реймс. Фома Аквинат создал гармоничную систему средневекового мирозерцания, богословского и философского готического искусства. Готическое искусство создало гармоническое сочетание между немощью нашей плоти, пребывающей в неволе печали, и томлением нашего духа по мирам иным. В эту эпоху чудесным образом материя одухотворялась, а дух воплощался.

Позднее это единство постепенно расшатывалось. Сначала освобождается от влияния зодчества, затем и живописи. В XIV веке в скульптуру вносится более мягкий стиль, ваятель уже не слит с зодчим, он отвоевывает себе самостоятельную область работы, резьбу на дереве, пользуется материалами более податливыми, вносит в скульптуру начала живописания.

III

На днях в варшавском Институте Пропagанды Искусства (IPS) состоялось торжественное открытие выставки польской готической скульптуры и живописи.

Эта выставка должна быть отмечена как крупное явление в культурной жизни современной Польши, как значительный этап на пути осознания ее прошлого. Сделана попытка поставить на правильный путь изучение подлинного, неискаженного злободневными страстями, облика Польши в процессе ее становления, попытка сделать инвентарь «готического наследства», чтобы совместными усилиями польских ученых определить его реальную ценность.

Можно думать, что виднейшего успеха выставка иметь не будет.

Следует приветствовать стремление пополнить инвентарь памятников польской готики, спасти их от уничтожения или забвения, обеспечить представителям науки подход к культурно-исторической и эстетической оценке предметов культа сохранившихся с эпохи готики. После войны значительно возрос интерес к проявлениям культурного творчества как во времени, так и в пространстве, как в разрезе перпендикулярном, историческом, так и горизонтальном, современном. Новыми глазами, с новыми материалами и документами в руках пересматриваются целые периоды истории, по новому рассуживается их (положительное или отрицательное) значение и влияние. Фактические успехи новейшей археологии, интенсивность сношений современных представителей белой расы с людьми расы желтой и черной, сравнительная легкость проникновения европейцев в глушь и дебри Африки и Азии заставляет ученых отказаться от многих гипотез и утверждений недавнего прошлого, призывают их, с одной стороны, к кропотливой работе по составлению научно обработанного инвентаря вновь добытых памятников, а с другой — к синтетической работе, к подведению итогов добытого, к составлению нового перечня выводов, перечня вновь поставленных проблем.

Надо признать, что грандиозные события последнего времени создали психику чрезвычайно благодетельствующую такому пересмотру старого и повысили интерес к проблемам исторического порядка. В 1914 году история, как испуганный конь, шарахнула куда-то в сторону и потом понесла. Давняя реальность превратилась в фантастику, новая фантастика стала реальностью. А так как человек чувствует неистощимую потребность так или иначе упорядочить беспорядок, так как разум человеческий не любит хаоса, то естественно, что в

широких кругах интеллигентных читателей зарождается спрос на научно-художественные сочинения скептического характера. Современный человек как бы делает заказ ученым специалистам объяснить ему, почему нарушена та «закономерность» исторического процесса, которая была в XIX веке установлена, почему все пошло «наоборот», и как найти новую «закономерность», учитывая недавний всемирный потоп, который для большинства из нас явился совершенно неожиданным.

Как известно, всякий спрос вызывает предложение. Новые синтезы, объяснения причин прошедшего и природы будущего посыпались как из мешка, особенно в Германии и в «державе» не имеющей границ, в коммунистическом интернационале, здесь проявляется зачастую нездоровое знахорство, средневековая алхимия, а порою и фокусы провинциальных «престижистов», которые из кармана поношенного фрака вынимают аквариум с золотыми рыбками и живых кроликов. Алхимиков наплодила Германия, а фокусников — Москва. Для утешения голодной публики Г.Г. Кагановичи и Молотовы вынимают из поношенных фраков кроликов, в то время как из реального кролиководства вышел сплошной конфуз. Подлинное знание, конечно, терпит от него урон. Но та же самая история [неразб.] учит нас, что научная химия малому научилась у алхимиков, что же касается социального опыта совершенного по рецепту Маркса, Энгельса и Ленина, то кролики и золотые рыбки большевистских престижистов свидетельствуют, что опыт этот дошел уже до конца, а потому к нему можно уже подойти с исторической точки зрения и начать изучать его с таким же холодным объективизмом, как мы изучаем ныне (кстати сказать, совершенно с новой точки зрения) причины падения римской империи. Неудачные опыты порою имеют столь же большое значение, как и удачные.

IV

Возвращаясь к теме настоящей статьи, следует отметить, что после войны вновь зародился интерес не только к готике, но и к Византии, что чрезвычайно знаменательно. Недавно фелло (fellow), т.е. молодой ученый кембриджского университета, г-н Steven Runciman, издал книгу о византийской цивилизации. Книга серая, компилятивная. Кембриджский «фелло» подводит в ней итоги новейшей византологии. С чувством удовлетворения отличает он освобождение западного европейца от многих предрассудков и предубеждений по адресу Византийской Империи, которая как никак просуществовала

одиннадцать веков. В самую мрачную эпоху европейской истории Византия охраняла завоевания европейской культуры, вплоть до крестовых походов, примерно до XIII века. Византия оставалась неоспоримой столицей европейской культуры, а после своего крушения отнюдь не исчезла безвозвратно, а поделилась своими знаниями и достижениями с представителями эпохи ренессанса. Еще Петрарка жалел, что не знает греческого языка и не может читать Гомера в подлиннике. Его потомки пятнадцатого века, как некогда римляне первого века до Р.Х., многому научились от византийских эмигрантов.

Что касается византийского искусства, то г. Runciman пишет: «Я слишком стеснен размерами и задачами своей книги, чтобы как следует отдать должное византийскому искусству, которым столь долгое время пренебрегали, к которому относился даже с презрением. Сегодня оно наконец пользуется заслуженным признанием. То рвение, с которым ведутся новые изыскания в этой области — облегчает возможность его понимания. Откопаны неизвестные до сих пор стенописи, долгое время скрытые мозаики освобождены от покрывавшей их штукатурки... Через несколько лет мы получили возможность более точно определить громадный долг признательности, который лежит на нас по отношению к византийским художникам.» (Цитирую по французскому переводу английской книги).

С готикой дела обстояли не так плохо, как с византийским искусством.

V

Наше отношение к готике

Было бы интересно прочесть книгу, которая рассказала бы нам историю не самого готического искусства, а историю той оценки, которой подвергалось готическое искусство в последующих поколениях, начиная с эпохи так называемого Возрождения.

Триста лет готика, можно сказать, господствовала. В пятнадцатом веке она довольно резко столкнулась с окрепшим уже новым течением ренессанса, однако, долго еще не сдавалась. Во время этой переходной эпохи, вплоть до окончательной победы ренессанса, оба стиля существовали рядом, иногда смешиваясь в довольно причудливой форме. Незаконченные фасады эпохи готики, заканчивались в стиле ренессанса, напр. Собор в Милане или Св. Стефан в Вене. На юге

Франции, в маленьком городке Родез, сохранилась церковь, готический фасад которой заканчивается в иезуитском стиле семнадцатого века.

Не надо, конечно, забывать, что и сама готика имела свою историю. У нее была своя эпоха неуверенного «зарождения», когда она преодолевала стиль романский, период классического расцвета (XIII век и начало XIV) и, наконец, период, когда вновь основанный «коллеж де Франс» стал цитаделью гуманизма. Рабелэ этому радовался. В своем «Пантагреле» он вспоминает эпоху своего пребывания в высшей школе без всякого сожаления. «Время было темное и несчастное благодаря Готам, которые уничтожили всю хорошую литературу». Рабелэ имел в виду литературу античную.

И это пренебрежительное отношение к варварскому искусству, названному готическим, продолжалось до XIX века.

1935

Рукопись находится в архиве Дмитрия Философова, в собрании Божены Микуловской, в Варшаве. Можно предполагать, что это набросок незаконченной статьи, в основе которой лежит выступление Философова на собрании «Домика в Коломне».

Лешек Шаруга

Из книги «ПРОЕКТЫ»

О НЕСОТВОРЕНИИ МИРА

когда-то в начале было слово
сегодня нет слов чтобы начать всё снова
это всамделишный конец света
и даже господь уже не поможет
не поможет и чтение словарей
соловей солод слух словарный сова
слово солнце не светит слово мир не помирит
и не скажешь и даже представить не сможешь
чтобы что-то сделать из ничего нужно вызвать это
ничто
из лесу из океана из воздуха из огня и слова
нерукотворная вещь это вещь неслыханная
эхо не отвечает на однажды данное слово

ДИСТАНЦИЯ

С улыбкой
нам сообщают: в Сараево
убито
пятьдесят человек. Эта улыбка
учит держать дистанцию. В Мексике
в авиакатастрофе
погибло сто тридцать
несчастных. С улыбкой

телеведущей

на лицах.

СВОБОДА

Пришла свобода

и смешались значения,

слова, потерянные,

гонялись за собственной тенью,

сквернословили.

На каждом шагу

были слышны

фальшивые ноты,

ударения ставились как попало. Так

пришла свобода,

чтобы отнять у нас

сны и мечты.

ОЧЕРЕДНАЯ ЭПОХА

Когда-то эпохи

сменяли друг друга

с приличествующими

интервалами. Сегодня

интервалы между эпохами

неприлично

коротки.

Раньше эпохи

длились целую вечность.

Сегодня

ждут не дождутся
конца.

Человек

проживает сегодня
несколько эпох.

Время от времени
слышу или читаю,
что настала новая
эра. Новые эпохи
нынче носят

имена политиков.

Раньше они назывались
достойнее: ледниковый
период, каменный век.

Хотелось бы мне
прочитать об эпохе Ружевича.

Но это никому

Ничего

не скажет.

ОКНО ПОЭТА

это око поэта

а это

окно поэта

смотрит поэт

в окно

много лет

око поэта
разбивает окно поэта
пробивает занавес
которому нечего скрыть

ТОЧКА

поэт пишет
что ставит точку не
ставя точки
вставляет
цитату из Овидия
это точка
и есть
точка это
капля поэзии
слеза

ВОРОТА

мне восемнадцать лет
и я знаю что нет
спасения нет
милосердия только
распахнутые
ворота бойни
я иду

МАЛАЯ ОДИССЕЯ

Последнее путешествие. Он выезжает. Знает,
что вернётся. Не знает, когда.

И никогда о нём не расскажет.
Нужно успеть перед смертью. Дорога
неблизкая. И очень тяжёлая.
Навсегда покрыта молчанием.
Принесёт жертву. Вернётся. И ничего
больше не скажет. И лишь тишина,
словно печать на могиле.

УЛЁТ

полный улёт говорит
её расширенные зрачки
проникают сквозь занавески
полный улёт медленно
вынимает её
из себя
полный улёт
не с этой
планеты

ПОЛИТИК

В 1944 году моя мать,
закрывая лицо белой тряпкой,
выводила из-под Политехники
гражданских, переживших
Варшавское восстание. Парни
говорили ей: Марыля, не бойся,
если застрелят, мы отомстим.
Она пошла — санитарка. Чудом

уцелела и почти не говорила
об этом. Да и о чём? — спрашивала. Что было,
то было. Такова жизнь. Не живи — говорила мне —
для истории, живи для людей. История
всегда не права.

Её слова

ничего не изменили. Пусть мне хотелось
жить для себя, но я жил и для
Польши. Для страны, распавшейся
на несколько разных отчизн. Раньше я
и не знал, что стран этих будет так много.

А она

знала, как это бывает. И говорила:

— Не верь никому, не верь
даже себе, ибо чувства твои
сильнее тебя. Для меня это
было важно, я знал,
посвящу свою жизнь отечеству,
но оказалось потом, что потери
уж слишком большие. А она повторяла:

— Помни, политик хочет
войти в историю, и ради такого дела
иногда обрекает на смерть
тысячи безымянных,
чтобы имя его
горело в анналах

небытия.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Дискуссию и бурные споры вызвала информация, что Министерство культуры и национального наследия выделяет в нынешнем году 6 млн злотых на сооружение Храма Провидения Божия, который возводится в варшавском районе Виялнув. В предыдущие годы строительство также дотировалось, а всего министерство перечислило на строительство уже около 20 млн злотых.

По интернету прокатилась волна возмущения, а две левые партии — Союз демократических левых сил и «Твое движение» — обратились с запросом в прокуратуру. В обеих партиях полагают, что министерство разбазаривает общественные средства, которые должны попасть в культурные институции. В прошлом году по аналогичному поводу (речь шла о дотации в 4 млн злотых на строительство Храма) претензии высказала Высшая контрольная палата.

Министерство культуры отвергает обвинения, указывая, что 6 млн злотых — это дотация не на Храм, а на создаваемый в его помещении Музей Иоанна Павла II и примаса Вышинского.

Разъяснение, однако, не устраивает критиков министерского решения. Так, в письме в адрес премьера Дональда Туска (копия направлена к сведению министра культуры и национального наследия Богдана Здроевского) главный редактор газеты «Liberte» Лешек Яжджевский призывает: «Господин премьер-министр, католическая Церковь и так получает из государственного бюджета сотни миллионов злотых, и нет необходимости дополнительно ее субсидировать из тех скудных средств, которые выделяются в Польше на культуру. Долой Министерство Культа, вернем Министерство Культуры».

Профессор Богдан Цивинский (род. 1939) получил ежегодную премию журнала «Новые книги» за труд «Редуты культур. Очерки истории народов Восточной Европы». В этой работе, как отмечено в рецензии Войцеха Станиславского, автор «представил объем исследований, который обеспечил бы занятия солидному научному институту, причем на долгий срок. В книге рассматриваются изменяющиеся отношения между российской империей (в ее зрелой, а затем закатной фазе) и дюжиной пограничных народов. Очевидно, что отношения эти неравноправны. С одной стороны, мы

сталкиваемся здесь с использованием различных стратегий русификации, с другой же стороны, ищутся ответы на основе собственных культур: от приспособления через ассимиляцию до сопротивления, отпора и бунта».

Книга Цивинского опубликована издательством «Трио» и Европейским центром «Натолин».

1 февраля исполнилось два года со дня смерти Виславы Шимборской. В Закопане, где в Доме творчества «Астория» 3 октября 1996 года поэтесса узнала о решении Шведской академии, открыта мемориальная доска в память об этом событии.

— Вислава Шимборская при жизни никогда бы не согласилась с каким бы то ни было увековечиванием, а к сегодняшнему торжеству отнеслась бы, конечно, с юмором, — сказал президент Фонда Виславы Шимборской Михал Русинек и добавил, что Закопане было для нее местом очень важным.

На мемориальной доске, размещенной на ограде «Астории», написано: «В этом доме 3 октября 1996 года Виславу Шимборскую застало врасплох известие о Нобелевской премии».

На соискание премии имени Виславы Шимборской (премия присуждается уже во второй раз) выдвинуто 168 поэтических книг. Большинство соискателей родилось в 70–80-х годах XX века. Капитул премии к маю выберет пять главных претендентов, а в октябре назовет имя лауреата.

Томики своих стихов прислали на конкурс: Мажена Брода, Милош Беджицкий, Войцех Бонович, Тадеуш Домбровский, Яцек Денель, Лешек Энгелькинг, Зенон Файфер, Дарек Фокс, Агнешка Вольны-Хамкало, Юлия Хартвиг, Эва Липская, Кшиштоф Карасек, Мартин Светлицкий. На премию выдвинуто также более десятка переводов. Автора лучшего сборника, вышедшего в минувшем году по-польски (в оригинале или в переводе), ожидает 200 тыс. злотых.

Филип Спрингер стал победителем 3-го Конкурса на грант для молодых журналистов имени Рышарда Капустинского. Репортер получил 30 тыс. злотых, предназначенных для работы над новой книгой под рабочим названием «Все этажи». Это должно быть повествование о неотъемлемом праве каждого человека на квартиру (в Польше это право подчиняется законам рынка), о положении молодых людей без жилья, начинаниях девелоперов, убийственных кредитах, о

последствиях реприватизации многоквартирных домов и отсутствии долгосрочной стратегии по жилищному вопросу. Спрингер (род. 1982) — автор уже четырех вызвавших читательский интерес книг: «Медзянка. История исчезновения», «Родовая травма. Репортажи об архитектуре ПНР», «Начало. О Зофье и Оскаре Хансенах» и «Ванна с колоннадой. Репортажи о польском пространстве».

7 февраля на экраны польских кинотеатров вышел фильм «Джек Стронг» — политический триллер режиссера Владислава Пасиковского, повествующий о жизни Рышарда Куклинского (1930—2004), полковника Народного Войска Польского, который с 1972 года был тайным агентом ЦРУ и регулярно передавал американцам важнейшие документы сил Варшавского договора. Фигура полковника по сей день разделяет польское общество, не все готовы ставить ему памятники. По мнению части критиков, фильм Пасиковского — хорошее начало для разговора о личности Рышарда Куклинского, однако же это не «большое кино», скорее, шпионский триллер о временах холодной войны на манер «Охоты за “Красным Октябрем”». Роль Куклинского замечательно исполнил Мартин Дороцинский, следует отметить также Доминику Осталовскую в роли жены полковника.

«Лучше всего у Пасиковского получается то, что он по-настоящему умеет делать, а именно — кино в жанре экшн, — пишет Здзислав Петрасик в «Политике». — Подготовка к побегу, эвакуация полковника с семьей — здесь имеем вполне достойный фильм, держащий до конца в напряжении, и это заслуга режиссера, поскольку, в общем-то, нам известен финал. Не следует ожидать, что после премьеры «Джека Стронга» снова развернется дискуссия: Куклинский герой или предатель? Не только потому, что фильм дает однозначный ответ: патриот и герой. Просто для молодых поляков это уже давняя история, которую Пасиковский увлекательно рассказывает. И это может привести к опасному обобщению, что некоторые драматические события времен ПНР становятся сегодня только темой для жанрового кино».

Несколько иначе оценивает ситуацию Тадеуш Соболевский («Газета выборча»): «Я не могу рассматривать “Джека Стронга” сквозь призму классического шпионского кино. Конечно, Джек Стронг мог в определенный момент почувствовать себя Джеймсом Бондом, который спасает мир, предотвращая третью мировую войну, — но не было ли здесь самообмана? Для

меня это фильм о Польше и обо мне, бывшем гражданине ПНР. Фильм о польском комплексе, который нас гнетет по сей день».

Павел Лысяк одержал победу в конкурсе на должность директора варшавского «Театра повсехного» имени Зигмунта Хюбнера. Лысяк с 2006 года руководит, вместе со своим заместителем Павлом Штарбовским, быдгоцским «Театром польским» имени Иеронима Конечки. Под их руководством театр стал в течение нескольких сезонов одной из самых значительных драматических сцен в Польше. Действующий директор «Театра повсехного» Роберт Глинский продолжит работу до истечения срока его контракта, то есть до конца нынешнего сезона.

6 ноября в польском консульстве в Нью-Йорке американцы передали Польше утраченную во время Второй Мировой войны картину «Св. Филипп крестит слугу царицы эфиопской Кандакии» кисти немецкого художника XVIII века Иоганна Конрада Зеекаца. Картина выполнена маслом на медной доске и представляет сцену из «Деяний Апостолов». Произведение, похищенное, по всей вероятности, во время Варшавского восстания, удалось отыскать благодаря сотрудничеству правительств Польши и Соединенных Штатов. Картина уже вернулась в Варшаву, ее можно увидеть в галерее старой европейской живописи Национального музея.

Во время Второй мировой войны мы утратили огромную часть национального наследия. Только из музеев пропало около 70 тыс. произведений искусства. В последние годы в Польшу возвращено 26 картин — в частности, «Еврейка с апельсинами» Александра Герымского, произведения Юлиана Фалата, Анны Билинской-Богданович, Юзефа Брандта.

Сто наиболее значительных работ Владислава Хасиора демонстрируется с 14 февраля в краковском Музее современного искусства. Выставка «Владислав Хасиор. Европейский Раушенберг» совпала с 15-й годовщиной смерти художника.

Владисла Хасиор (1928—1999), которого сравнивают с Робертом Раушенбергом и Энди Уорхолом, сам утверждал, что никогда не «болел» современностью. Культовый художник поколения 60—70-х годов, он работал как скульптор, живописец, сценограф. Ученик Антония Кенара, связанный с Закопане, Хасиор прославился как пионер искусства ассамбляжа — композиций из готовых предметов. Он зачастую находил эти предметы на свалках, кладбищах, среди промышленных отходов. Использовал непригодные, разбитые предметы, треснувшие

зеркальца, заржавленные трубы, проволоку, игрушки, поломанные столовые приборы. Первые ready-made Хасиора появились еще в 50-е годы. Когда в 1974 году художник представлял свое творчество в Королевском замке, пол-Варшавы выстроилось в очередь, чтобы увидеть «штандарты», напоминающие феретроны в костелах, или знаменитую детскую коляску, наполненную землей, крестами и горящими свечами. Арсенал средств выразительности у Хасиора связан с Подгальем, с культурой маленьких городков, с национальной традицией. А также с национальной военной травмой.

Мария Анна Потоцкая, директор музея, допускает, что название выставки, в котором Хасиор сравнивается с американским творцом поп-арта Робертом Раушенбергом, может показаться спорным, «рискованным, потому что ущемляет нашу национальную гордость». Хасиор назван европейским Раушенбергом, поскольку, по ее мнению, качество искусства обоих художников похоже. Однако несколько десятков лет назад творчество польского мастера не демонстрировалось в таком масштабе, в каком были экспонированы работы американца.

На выставке в Кракове показаны скульптуры и картины 1956—1986 годов из почти двух десятков польских музеев, нескольких галерей и частных собраний. Экспозиция будет открыта до 27 апреля.

«Что видно. Польское искусство сегодня». Так называется выставка, открывшаяся 14 февраля в Музее современного искусства в Варшаве. В экспозиции скульптуры, картины, инсталляции, фотографии и видеоарт таких художников, как Павел Альтхаммер, Агнешка Польская, Эва Аксерляд, Мирослав Балка, Артур Змиевский, Войцех Пусь, Петр Укланский, Иза Тарасевич, Збигнев Либер, Тымек Боровский, Петр Босацкий, Петр Янас, Вильгельм Сасналь.

«Это выставка не одного какого-то поколения, у нее нет цели сформировать новые тенденции или определить художественные течения. Выставка задумана как циклический показ неких важных процессов, явлений, которые не ограничиваются сиюминутными тенденциями. Мы пригласили художников разных поколений, из разных группировок и разных городов», — говорит один из кураторов выставки Себастьян Цихоцкий.

Посетители смогут увидеть скульптуры Изы Тарасевич, для исполнения которых использовались человеческие волосы, шерсть и пепел. Показаны фотографии Збигнева Либеры из

серии «Вольный стрелок (Автопортрет)», представляющие сцены полицейского задержания бездомного (в роли арестанта выступил сам художник). Павел Альтхамер представил скульптуру «Козленок Матолек». Образ, созданный в 1933 году писателем Корнелем Макушинским и художником Марианом Валентыновичем (предшественником комикса), часто вдохновляет Альтхамера.

Выставка открыта до 1 июня.

В Еврейском историческом институте в Варшаве представлено более девяноста фотографий работы выдающегося, но сегодня забытого фотохудожника Менахема Кипниса. Кипнис делал фотографии для нью-йоркской газеты «Форвертс» (The Yiddish Forward). Автор снимков, представляющих еврейский мир 20 — 30-х годов XX века, во Второй Речи Посполитой был известным певцом, знатоком ашкеназской музыки, писателем, журналистом, собирателем еврейских песен и народных преданий. О его увлечении фотографией было известно немного и немногим. А он со страстью запечатлевал виды Варшавы, Кракова, Отвоцка, Фаленицы и украинских местечек, дома, базары, дворы. Останавливая мгновенья, сам мастер старался оставаться невидимым. Случайные уличные сценки он увековечивал словно случайно. Во время войны Кипнис оказался в Варшавском гетто, умер в 1942 году от инсульта. Выставка, названная «Город и глаза», будет открыта до 15 мая.

Прощания

25 января в Варшаве умер Богдан Поремба, кинорежиссер, политик и публицист. Большим успехом пользовалась его театральная постановка — спектакль по партизанским песням «Я сегодня к тебе не приду» (1969). В 1973 году Поремба выпустил свой самый известный, удостоенный многих премий, фильм «Хубаль» об истории кавалерийского отряда майора Хенрика Добржанского (псевдоним Хубаль), который не сложил оружия после проигранной сентябрьской кампании 1939 года.

Поремба был членом ПОРП (представителем национал-коммунистического лагеря), Общества польско-советской дружбы, во время военного положения вступил в одиозное Движение за национальное спасение, был также одним из основателей националистического Патриотического объединения «Грюнвальд». В последние годы был активистом краковского Общества «Не за Евросоюз», Национального движения, Лагеря Великой Польши и Национально-пролетарского фронта. В кинематографических кругах к его

политической деятельности относились не очень доброжелательно. Богдану Порембе было 80 лет.

В возрасте 101 года в Варшаве скончалась Нина Андрич, легендарная актриса театра, кино и телевидения. Нину Андрич многие называли гранд-дамой польского театра, а также царицей сцены ПНР, поскольку актриса часто играла королев, аристократок и придворных дам. Среди ее ролей Офелия в «Гамлете», Соланж в «Лете в Ноан» Ивашкевича, Елизавета в «Дон Карлосе» Шиллера. Она играла Екатерину II, Елизавету I, леди Макбет, но могла играть и пани Дульскую. Актриса дебютировала в Вильно, в «Театре на Погулянке». Долше всего, с 1935 по 2004 год, с перерывом во время войны, была связана с «Театром Польским» в Варшаве. Снялась в первом польском послевоенном фильме «Варшавская премьера», а также в картинах «Пир Валтасара» и «Хвала и слава».

Нину Андрич знали также как автора поэтических сборников: «Это театр», «Роза для никого», «Вчера и сегодня», автора романов и мемуаристку, а в частной жизни — как вторую из трех жен премьера ПНР Юзефа Циранкевича. В прошлом году вышла ее последняя книга — «Смотрю и вспоминаю».

— Она говорила, что главное в жизни — это любовь, и, пожалуй, на самом деле так думала, — говорит театральный критик Эльжбета Баневич. — Она была невероятно колоритной фигурой, это была живая история театра, она сформировала «Театр Польский», который — особенно после войны — принял на себя роль национальной сцены. А она была в этом театре первой героиней — о ней можно так сказать, используя именно это слово — героиня. Таких больше нет. Потому что нет и такого репертуара. Классику играют все реже. На сцене мы все меньше видим королев — чаще представительниц иных профессий.

Кто-то может сказать, что она играла на котурнах, упрекнуть в избыточном пафосе. Но после войны была потребность именно в такой актерской игре, это попадало в нерв времени, и Андрич устанавливала определенные стандарты актерства и трактовки этих ролей. Она была выдающейся личностью. И не могла перестать быть королевой даже в частной жизни — всегда была дамой, всегда ухоженной, всегда необычной. И никогда не опускалась до обыденности.

13 февраля в Варшаве умер Эдвард Жебровский, кинорежиссер, сценарист, актер. Ему было 78 лет. Главные его фильмы — «Спасение» (1972), «Больница Преображения» (1978, по одноименному роману Станислава Лема), «Средь бела дня»

(1980, по повести Владислава Терлецкого «За зверей заплачено»). Жебровский был вторым режиссером на «Трех королях» Кшиштофа Занусси, а также соавтором сценариев «Страсти» Станислава Ружевича и нескольких фильмов Занусси (в том числе «Зачета» с Даниэлем Ольбрыхским). Как актер он снялся у Занусси в «Иллюминации» (1972) и «Костанс» (1980).

Фильмы Эдварда Жебровского поднимали сложные психологические и этические проблемы. «Он был самым умным из нас», — сказал друг покойного, режиссер Войцех Марчевский. В последние годы Жебровский был одним из ведущих преподавателей Высшей школы режиссерского мастерства Анджея Вайды в Варшаве.

13 февраля в Варшаве в возрасте 81 год скончался Януш Станный — график, карикатурист, художник-иллюстратор. Он иллюстрировал басни Лафонтена, «Пана Тадеуша» Мицкевича, сказки Андерсена, «Землю обетованную» Реймонта, а также Библию. Был известен и как автор детских книг — «Сказки о короле Дарданеле», «О художнике рыжем, как кирпич».

«Профессор Станный четверть века руководил мастерской книги и иллюстрации на факультете графики, был одним из выдающихся польских книжных иллюстраторов, специалистов по журнальной и газетной графике, художников-сатириков и плакатистов. Он создал иллюстрации более чем к двумстам книгам, в большинстве детских, был многократно отмечен премиями в Польше и за рубежом», — написано на сайте Варшавской академии изящных искусств.